

Рассказы 4

Страницы 40

20680.2

16 23,5

Ольга Алтайская.

.....

15

РАЗСКАЗЫ

и

СТИХОТВОРЕНІЯ.

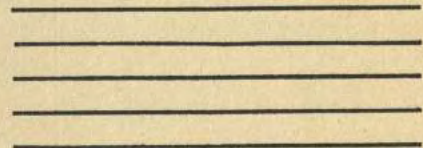

04
№ 285
зд. сибиряки
для книги

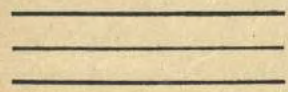
Ольга Алтайская.

РАЗСКАЗЫ

и

СТИХОТВОРЕНИЯ.

КОСТРОМА
Типо-литография А. Н. Чемянова.
1913

Лѣсникъ Пиленко.

(Посвящается А. Л. К.).

Старый лѣсникъ Пиленко тяжеловѣсными старческими шагами подошелъ къ опушкѣ привѣтливаго лѣса и прислушивался: не поеть ли звонкой пѣсни его умница, дочка Маруська, еще съ ранняго утра ушедшая изъ лѣсной сторожки собирать ягоды.

Но Маруськи не было слышно.

Пиленко приложилъ два пальца къ губамъ и свистнулъ.

Свистъ былъ протяжный и звучный—условный сигналъ для Маруськи, но она его не слыхала.

—„Ишь заберется къ своей рѣчкѣ и не слышитъ—ласково ворчалъ онъ—гляди, пора обѣдать, а ей все нипочемъ. Эхъ, молодость!“
Лѣсникъ задумался. Разныя мысли пронеслись въ его головѣ, да такія мысли, отъ которыхъ никуда не уйти...

Вспомнилъ Пиленко свою молодую жизнь въ родномъ привольномъ краю, вспомнилъ и черноокою Одарку, пѣвшую красивыя мало-россійскія пѣсни, полныя вѣги и чувства.

• Безшабашная Одарка долго насмѣхалась надъ неуклюжимъ и простодушнымъ Пиленкой, да такъ смѣялась, что жизнь ему стала обузой. Сидитъ, бывало онъ, думаетъ горькую думу, а тутъ еще Одарка своимъ музыкальнымъ голосомъ поетъ пѣсни и кружитъ головы парубкамъ.

О, эти пѣсни!

Но не долго насмѣхалась проказница Одарка: всѣ парубки остались съ носомъ, а неуклюжій Пиленко гордо велъ красавицу Одарку подъ вѣнецъ.

Хорошо было Пиленкѣ.

Голова шла кругомъ, когда неугомонная Одарка, дурачливо ласкалась или притворно сердясь, бранила своего неуклюжаго „ведмѣдя“, да такъ бранила, что Пиленко плакалъ какъ ребенокъ.

Но и слезы утереть никто такъ приятно не умѣлъ, какъ его славная жинка Одарка.

Хорошо жили Пиленки; лишь одно омрачало ихъ жизнь—не было дѣтей.

Долгими ночами простаивалъ Пиленко передъ божницею, наввно какъ ребенокъ, прося Царицу Небесную „взыскать ихъ сыномъ или дочкой“...

Но увь!

Молитва ли не доходила до Царицы Небесной, или другія причины были—сказать трудно, но дѣтей все не было.

Подумывала Одарка о приемышѣ, но Пиленкѣ хотѣлось имѣть непременно своего ребенка.

Время шло, и много ужъ лѣтъ было прожито, много всего и пережито.

Пиленко ужъ не простаивалъ цѣлыя ночи передъ божницею, не просилъ «взыскать», а поборился судьбѣ.

И навсегда лишились бы счастья имѣть дѣтей эти здоровые, но уже не такъ молодые Пиленки, еслибъ не случилось одно весьма простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чудодѣйственное дѣло.

Въ той мѣстности, гдѣ жили наши герои, открылся врачебный пунктъ, куда пріѣхалъ молодой врачъ Владимиръ Николаевичъ Златорунскій.

Защевелилася деревня, обрадовалася.

И пошли къ молодому доктору, кто по дѣйствительной надобности, а кто и изъ любопытства.

Златорунскій не говорилъ по малорусски, но прекрасно понималъ и объяснялся съ приходившими.

Своро докторъ сдѣлался другомъ народа, который помимо болѣзни, повѣрялъ ему свои сокровенныя думы и мысли.

Пришла и Одарка.

Робко и стыдливо повѣдала она про свои завѣтныя мечты и чаянія.

Внимательно выслушавъ докторъ Одарку, задалъ ей нѣсколько вопросовъ и попросилъ прислать самого Пиленку. О чемъ говорилъ докторъ съ Пиленкой, куда потомъ повезъ Пиленку Одарку, исторія умалчивала до тѣхъ поръ, пока счастливая Одарка не сдѣлалась матерью.

И только тогда Одарка рассказывала, сидя на завалинкѣ, лаская бѣленькую Маруську, какъ ей сдѣлали какую то «операцію» и тѣмъ устранили всѣ препятствія, мѣшавшія имѣть дѣтей.

Самъ Пиленко обезумѣлъ отъ слетѣвшаго на ихъ голову счастья и былъ что называется долго «не въ себѣ».

То плакалъ слезами радости, то опять молился передъ божницею, прося прощенія за ропотъ, который иногда поднимался въ его душѣ, послѣ безплодныхъ просьбъ и ожиданій.

Какъ бы то ни было, а чудо (Пиленко приписывалъ все таки чуду) совершилось, и Маруська жила всѣмъ на радость и была любимицей не только своей семьи, а и доктора Златорунскаго, который былъ у нихъ своимъ человѣкомъ.

Время шло незамѣтно. Маруська играла и рѣзвилась.

Какъ вдругъ неожиданно случилось такое, отъ чего Пиленко не только заболѣлъ отъ горя, а и чуть не помѣшался.

Въ одинъ жаркій лѣтній день, разгоряченная солнцемъ и полевыми работами, Одарка напилась холодной браги со льда и заболѣла жестокой «огневицей».

Напрасно докторъ Златорунскій прилагалъ къ спасенію больной всѣ силы, напрасно привозилъ другихъ докторовъ изъ города,—все было бесполезно...

Одарки не стало.

За самимъ Пиленкой требовался уходъ, какъ за маленькимъ ребенкомъ, и добрякъ докторъ забралъ его и Маруську въ свою просторную квартиру и ухаживалъ какъ могъ.

Мало по малу время,—цѣлитель всякихъ недуговъ, шло, а вмѣстѣ съ нимъ вернулось и сознаніе къ Пиленкѣ.

Сѣдимъ и горбленымъ сталъ онъ, и тусклый взоръ говорилъ о преждевременной старости и невозвратномъ прошломъ.

Къ Маруськѣ относился безразлично: не ласкалъ, не бранилъ, а какъ будто, сердце его окаменѣло и выражало безразличіе.

Но жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ, а все шла впередъ...

Своро въ округѣ заговорили сначала шопотомъ, а потомъ и громче, что земля перейдетъ крестьянству, что будетъ свобода... воля... Откуда шли слухи—неизвѣстно, но только всѣ были свидѣтелями, какъ наѣхали власти въ квартиру Златорунскаго и увезли его съ собой.

Съ тѣхъ поръ о немъ не было слуху.

Пиленко съ Маруськой не вернулись въ свою «мазанку», а продавъ все, поѣхали въ далекую Сибирь на переселенческія мѣста—забыть все и зажить новой жизнью.

Широка и привольна Т-ая губернія, съ ея богатой растительностью, необъятнымъ просторомъ и дремучими лѣсными богатствами. Привольно въ сосновомъ бору, гдѣ тишина и благодать тѣсно сплетаясь другъ съ другомъ, манятъ въ свой заколдованный кругъ.

Здѣсь и рѣшилъ обосноваться Пиленко съ подрастающей дочкой Маруськой.

По душѣ пришелся кудрявый зеленый лѣсъ угрюмому Пиленкѣ и разбудилъ его къ новой жизни, которую онъ началъ лѣснымъ сторожемъ. И полюбилъ онъ лѣсную благодать и, казалось, забылъ свое острое горе.

Съ той поры Маруська всецѣло завладѣла сердцемъ стараго Пиленки, и сама, какъ говорится, души въ немъ не чаяла.

Такъ шли годы... невозвратные годы...

* * *

Пиленко окинулъ удивленнымъ взглядомъ полянку и вспомнилъ, что времени много, а Маруськи все не было.

Старикъ забеспокоился и опять далъ продолжительный свистокъ. Прислушался.

Далекая пѣсня раздавалась по лѣсу: то Маруська неторопливыми шагами возвращалась съ переполненной ягодами корзиной и пѣла грустную пѣсню, которую выучила недавно на деревнѣ.

Вотъ и она.

Пиленко съ удивленіемъ, какъ будто впервые увидѣлъ не шалунью и рѣзвуху Маруську, а взрослую голубоглазую дѣвушку, похожую на Одарку.

Сердце его крѣпко забилося, онъ всталъ съ своего мѣста и пошелъ ей навстрѣчу.

Маруська давно уже отвыкла отъ родного языка и говорила мѣстнымъ, не утративъ пѣвучести голоса Одарки и ея гармоническаго смѣха. Но за послѣднее время смѣхъ ея звучалъ все рѣже и рѣже.

— Заждался батя?—ласково спросила она старика.

— Не уходи, дочка, такъ далеко, нешто можно такъ? Пойдемъ обѣдать, солнце уже не высоко.

Ягодъ то сколько! удивился онъ. Куда ихъ? Кругомъ онѣ.

— Хорошо, батя, въ лѣсу и тамъ у рѣчки, говорила Маруська идя къ дому—рѣчка журчитъ, а ты ее слушаешь и сама говоришь съ нею.

— О чемъ говоришь-то?—съ нѣкоторой тревогой спрашивалъ Пиленко.

— Мало ли о чемъ—вдохнула Маруська.

— Скучно тебѣ, родная, сидѣть съ старикомъ отцомъ вотъ и стала чаще уходить на деревню, къ учительницѣ, да къ рѣчкѣ,—ревниво говорилъ Пиленко, приближаясь къ дому.

Вотъ и лѣсной домикъ. Чисто и уютно въ немъ.

Маруська встанетъ съ зарей—все приберетъ и придѣлаетъ. А скучно—пойдетъ на деревню, къ подругамъ, къ учительницѣ, которую любить.

Приходятъ и подруги, но рѣдко—не привѣтливъ дѣдушка Пиленко.

Никто не слыхалъ грубаго слова, никто не слыхалъ и ласковой рѣчи.

И только одна Маруська знаетъ, какъ добръ и сердеченъ ея замкнутый батяба.

О прошломъ они не поминаютъ, но Маруська хорошо запомнила все.

За обѣдомъ она рассказывала, какъ на деревнѣ насмѣшилъ всѣхъ одной чудной загадкой Мишка Брагинъ, и никто не могъ разгадать, кромѣ нея.

А учительница Лидія Сергѣевна за чаемъ рассказывала много интереснаго.

— Вотъ гдѣ ты была и ягодъ успѣла насобирать гору, а я жду не дождусь—ласково ворчалъ Пиленко на свою любимицу.

Ахъ, батя, батя! Задумчиво говорила Маруська.—Чего то чего только не знаетъ Лидія Сергѣевна...—что такое солнце, звѣзды, луна... Какіе живутъ народы, что дѣлаютъ и все такое, а я сидѣла и думала... Зачѣмъ мнѣ мои пѣсни, когда пользы отъ нихъ никакой? И что, батя въ лѣсу мы знаемъ... Пеньку молимся...

Пиленко нахмурился. Больно сжималось его сердце.

— Эхъ, глупая ты Маруська! Тебя никакъ не поймешь. Ишь куда хватила,—до самаго неба достать мѣтишь. А не ты ли говорила—оживился онъ,—что съ рѣчкой хорошо вести разговоры, и лѣсъ говорить тебѣ сказки?

А теперь вот куда.. Ну, что намъ деревня и городъ? Что люди! безъ нихъ лучше. Конечно, оно безъ нихъ быть совсѣмъ не приходится, но и искать ихъ незачѣмъ.

— Батя, говорила грустно Маруська, ты не думай, родной, дурно о людяхъ. Вотъ Лидія Сергѣевна узнала, что я пою пѣсни, обѣщала завтра придти ко мнѣ.

Ты, батя, нарядись завтра, какъ будто ты ждешь своего лѣсничина, улыбнулась она. Лидія Сергѣевна хорошая. Она, батя, знаетъ... запнулась Маруська.

Старикъ насторожился.—Говори, говори...—Спрашивала меня обо всемъ... Гдѣ мы раньше жили и зачѣмъ сюда ушли...

У Пиленко заохлоло сердце. Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ. Едва дышалъ.

— Ну и что ты ей говорила? спросилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Все сказала—тихо отвѣтила Маруська, неумѣвая лгать,—и она знаетъ, гдѣ докторъ Златорунскій...

— Она—задыхаясь и приподнимаясь съ мѣста уже кричалъ Пиленко—знаетъ гдѣ Владимиръ Николаевичъ? Онъ живъ значить? И ты все помнишь?!

Маруська тихо вскрикнула и бросилась къ отцу. Онъ былъ безъ чувствъ.

Она почерпнула воды и брызгала ею лицо Пиленки.

Старикъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

Маруська тихо плакала.

— Маруська, прошепталъ онъ едва слышно, помнишь ли ты мать? Знаешь ли, какъ любилъ я твою мать? Не видалъ я, Маруська, еще такихъ, какъ она. Дай Богъ и тебѣ быть похожей на нее.—Слезы ручьемъ текли по блѣдному и прекрасному лицу Маруськи.

— Батя, батя, гладила она его волосы. Тебѣ тяжело, родной, преждее вспоминать, все я виновата, что болтала лишнее о докторѣ, прости родной, больше не помяну.

— Нѣтъ дочка, сказалъ онъ твердымъ и, какъ показалось Маруськѣ новымъ голосомъ, я не переставалъ помнить о немъ ни одного дня. Такихъ не забываютъ. Но я носилъ это все одинъ въ душѣ. Я думалъ, его и въ живыхъ нѣтъ,—много тогда людей хорошихъ забрали и погубили...

Пиленко какъ бы забылся и думалъ вслухъ.

Какъ сказочно было все—Любовь Одарки, появленіе Маруськи, а теперь и вѣсти о докторѣ. Напрасно онъ въ продолженіе долгаго времени думалъ, что Маруська забыла все и поэтому не заводилъ съ ней никакого разговора о прошломъ.

Старикъ тихо заснулъ. А Маруська ушла къ рѣчкѣ и повѣряла ей свои тайны.

Солнце садилось за лѣсомъ... Устало оно свѣтить и обогрѣвать цѣлый міръ, и красивый розовый закатъ смѣнилъ огненный шаръ солнца.

Рано поднялся на другой день старый Пиленко.

Ему не спалось. Всю ночь проворочался онъ въ жесткой постели и думалъ о докторѣ Златорунскомъ.

— Что онъ теперь? Измѣнился навѣрно. Еще не признаетъ—Жизнь мѣняетъ людей,—думалось Пиленкѣ.

Онъ ждалъ, когда Маруська проснется.

Но Маруська на сей разъ спала крѣпкимъ сномъ и какъ бы нарочно не хотѣла проснуться.

Пиленко запрягъ своего Вороного и поѣхалъ въ обычный объѣздъ.

Казалось все было исправно.

И только въ одномъ мѣстѣ около деревенской поскотины что-то лежало на землѣ.

Подѣзжая ближе, Пиленко содрогнулся.

Лежалъ человекъ съ перерѣзаннымъ горломъ.

Лѣсникъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ убитому, которымъ оказался мѣстный деревенскій староста Иванъ Игнатьевъ.

За что убить и кѣмъ Иванъ Игнатьевъ, догадаться не трудно.

Широкой волной разсыпалось бродяжье царство по Сибири, скрываясь въ лѣсахъ и землянкахъ. Нерѣдко бродяги заглядываютъ и въ окрестныя деревни, которыя служатъ имъ хорошимъ пріютомъ.

Гостепримно и радушно встрѣчаютъ зашедшихъ бродягъ мѣстные жители и широко растворяютъ свои избы для пріема страшныхъ гостей. Но бродяги любятъ одиночество и свободу и забираются на ночь въ пустыя бани, гдѣ на всякій случай имъ приготовленъ крестьянами ужинъ.

Бродяги за это не трогали жителей и, казалось, все было спокойно. Но вот выбрали новаго старосту Стуковской волости, который на первых же порахъ своей службы приобрѣлъ враговъ среди бродяжяго царства.

Какъ человекъ хвастливый и молодой, староста увѣрялъ всѣхъ, что прежней поблажки бродягамъ не дастъ, и они забудутъ сюда всѣ дороги. Но бродяги старыхъ дорогъ не забывали и попрежнему пользовались крестьянскимъ пріютомъ.

Сплоченное бродяжество узнало о рѣшеніи храбраго старшины. Судь коротокъ—жертва передъ глазами.

Пиленко содрогнулся. Маруська одна тамъ...

Какъ бы чего не вышло...

Онъ вернулся въ сторожку и нашелъ Маруську весело прибравшею въ домикъ.

Лѣсникъ разсказалъ ей объ убитомъ старостѣ и высказалъ опасенія, заставившія его вернуться къ ней.

Маруська, не знавшая страху и на сей разъ не испугалась и съ свойственной ей шутливостью выпроводила Пиленку обратно.

Сѣхались деревенскія власти во главѣ съ урядникомъ и съ становымъ приставомъ, но до пріѣзда доктора никто не рѣшался трогать трупъ съ мѣста.

Только жена старосты, да молодѣтняя дочь убитаго горько рыдали надъ трупомъ, причитывая на разные лады про случившееся съ ними несчастіе.

Сомнѣній на счетъ убійцы не было, и отъ ихъ безнаказанности становилось жутко на сердцѣ.

Вся деревня сбѣжалась.

Маруська зашла за Лидіей Сергѣевной, и имъ пришлось проходить мимо роковой поскотины.

— Дохтуръ пріѣхалъ—раздалось въ толпѣ, и на парѣ „дружковъ“ подѣхалъ докторъ.

— Вотъ Златорунскій, указала Лидія Сергѣевна на доктора Маруськѣ. Маруська посмотрѣла на доктора и стала искать глазами отца.

Окончивъ осмотръ убитаго, докторъ поздоровался съ учительницей.

Это былъ симпатичный шатень, варіе близорукіе глаза котораго выражали грусть.

Видѣла Маруська, какъ пристально сталъ всматриваться Пиленко въ лицо доктора.

И чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ болѣе лицо его покрывалось блѣдностью.

«Онъ ли это» въ десятый разъ спрашивалъ онъ самого себя.

Лидія Сергѣевна успѣла сказать доктору, что его ждетъ приятная неожиданность, о которой она скажетъ ему очень скоро.

Златорунскій уѣхалъ. Тѣло увезли.

Пиленки съ Лидіей Сергѣевной направились къ лѣсному домику.

— Какъ вы живете въ лѣсу—такъ страшно; сказала Лидія Сергѣевна, обращаясь къ своимъ спутникамъ.

— Какой же страхъ—тряхнула головой безстрашная Маруська. Сколько лѣтъ живемъ и ничего. Кромѣ того, у часъ нечего взять да и враговъ не имѣемъ. Кому же надо насъ обижать?

— Ну это не всегда разбирается, улыбнулась Маруськиной наивности Лидія Сергѣевна. Впрочемъ—спохватилась она, вспомнивъ, что не надо пугать—сегодняшнее происшествіе невольно наводитъ на страшныя мысли, а такъ, вѣроятно, нѣтъ причинъ бояться.

Пиленко молчаливо велъ свою лошадь и не слыхалъ о чемъ говорили его спутницы, думая все время о докторѣ.

Слишкомъ молодымъ казался онъ ему. Но Пиленко вспомнилъ, что Златорунскій пріѣхалъ въ II-ую губернію съ университетской скамьи и не могъ быть старше «этого».

Тамъ у лѣснаго домика Лидія Сергѣевна разсказала ему, что знала о докторѣ.

На югѣ очень давно онъ былъ арестованъ и сосланъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній на три года. Затѣмъ не такъ давно опять попалъ въ ссылку въ Сибирь. По окончаніи срока ссылки остался въ Сибири врачомъ. Въ настоящее время живетъ онъ въ городѣ Б. и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Съ ней онъ познакомился на одномъ литературномъ утрѣ, гдѣ читалъ лекцію по гигиенѣ.

Чѣмъ больше слушала о немъ Маруська, тѣмъ больше хотѣлось ей видѣть хорошаго доктора, такъ нѣжно любившаго прежде маленькую бѣленькую Маруську.

Усталый Пиленко ушелъ отдохнуть, а Маруська увела Лидію Сергѣевну къ рѣчкѣ.

Долго ходили они по лѣсу. Маруся красиво пѣла свои грустные пѣсни, а Лидія Сергѣевна слушала ихъ.

* * *

Темный лѣсъ задумчиво молчалъ, и только птички—краса и гордость гостепріимнаго лѣса—нарушали тишину, и, казалось, всѣхъ звали на широкій просторъ... Вотъ одна... другая... третья... скачутъ съ вѣтви на вѣтку, чирикаютъ... свистятъ... порхаютъ.—Хорошо въ лѣсу!

Теперь Маруся не собирала грибы и ягоды, не пѣла свои дивныя пѣсни, не смѣялась мелодичнымъ смѣхомъ, заставлявшимъ вздрагивать Пиленку, напоминая ему далекое прошлое. Маруся брала книги у Лидіи Сергѣевны и съ головой погружалась въ нихъ.

Пиленко съ тревогой посматривалъ на переѣзду въ причудливые дощечки.

Наступила осень. Лѣсъ не измѣнилъ своей одежды, но солнышко не было такимъ жаркимъ и краснымъ. И чѣмъ больше оно желтѣло, тѣмъ больше Пиленко хмурилъ свои сѣдые брови, и складки ложились на лбу.

Лидія Сергѣевна уѣхала въ городъ.

Маруся рѣдко ходила на деревню и, видя задумчивость отца, чаще оставалась съ нимъ въ лѣсномъ домикѣ...

— Что это? Прислушался Пиленко, не ѣдетъ ли самъ лѣсничій?

А колокольчики все ближе и ближе.

— Нѣтъ, „самъ“ былъ недавно—да и рѣдко сюда заѣзжаетъ. Неужели?.. замерло у лѣсника сердце.

Лидія Сергѣевна и докторъ Златорунскій подъѣхали къ лѣсному домику. Пиленко едва стоялъ на ногахъ и не помня себя плакалъ счастливыми слезами, обнимая дорогого человѣка.

То были первыя слезы послѣ цѣлаго ряда мучительныхъ переживаній въ далекомъ краю...

Маруся стояла въ сторонѣ съ Лидіей Сергѣевной, терпѣливо ожидая когда ее вспомнитъ добрый докторъ, явившійся въ ихъ жизни сказочнымъ гениемъ.

Но докторъ вспомнилъ и Маруську. Въмѣсто маленькой бѣленькой дѣвочки передъ нимъ стояла красавица дѣвушка съ голубыми красивыми глазами и привѣтливой улыбкой напоминавшей черноокую Одарку.

Долго говорили друзья, пока нечъ не окутала своимъ темнымъ покровомъ лѣсъ и не надолго прощавшихся друзей.

Съ каждымъ пріѣздомъ Златорунскаго, угрюмый Пиленко дѣлался все болѣе и болѣе привѣтливымъ, и радостная улыбка не сходила съ его лица.

Для Маруськи тоже открывался новый таинственный міръ, новое счастье. Она знала теперь куда приложить свои богатыя силы, она предвидѣла, какіе откроются горизонты ей въ будущемъ—жажда знаній наполняла ее душу.

О, она многому должна учиться, чтобъ постичь эту божественную природу, такъ сильно любимую! Она знаетъ, кто виновникъ пробужденія ея мысли и силы.

Это волшебникъ лѣсъ съ его загадочно манящей далью, съ его неистощимыми природными богатствами и его бытіемъ безконечнымъ и славнымъ, надъ разрѣшеніемъ котораго ломали головы умные люди.

* * *

Тихо и пусто въ лѣсномъ домикѣ.

Не поетъ свои пѣсни бѣленькая Маруся, уѣхавшая черпать знанія къ Лидіи Сергѣевнѣ, которая въ силу непредвидѣнныхъ обстоятельствъ была вынуждена покинуть школу и давала частныя уроки.

Слезы текутъ по морщинистымъ щекамъ окончательно одряхлѣвшаго Пиленки, и онъ съ жадностью перечитываетъ письма Златорунскаго, который часто пишетъ ему объ успѣхахъ Маруськи и зоветъ старика на покойную и тихую жизнь.

Плохой онъ служака, да и не подъ силу ужъ стало. А эти лѣсные пожары! сколько отняли силы, здоровья! Сколько съ ними возни и тревоги..

Но жалко Пиленкѣ разставаться съ завѣтнымъ лѣсомъ—свидѣтелемъ его горя и радости.

Жалко Пиленкѣ и лѣснаго домика, съ которымъ онъ такъ сроднился и гдѣ еще недавно жила его дочка Маруся.

Прошло еще долгихъ пять лѣтъ. Умиралъ дѣдушка Пиленко но уже не въ лѣсномъ домикѣ, а въ домѣ Златорунскаго, женившагося на полюбившей его всѣмъ сердцемъ Маруськѣ.

Крѣпко прижалась Маруся къ своему мужу, моля его о помощи больному.

Но докторъ покачалъ сѣдѣющей головою, какъ бы говоря о наступленіи неизбежнаго.

Сочтены часы стараго Пиленки, и онъ въ предсмертной агоніи бредилъ чуть слышно:

Одарка... иду къ тебѣ... Шумить лѣсъ... Зоветь... Иду... Одарка. иду...

Не стало Пиленки. Маруська безутѣшно рыдала надъ трупомъ, Не стало и лѣснаго домика, онъ перенесенъ на другое мѣсто и имѣетъ другихъ обитателей.

Лишь зеленый лѣсъ остался вѣренъ много пережившему страннику. Онъ по-прежнему гордо стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пѣла пѣсни бѣленькая Маруська и привѣтливо киваетъ смолистыми вѣтвями красному солнышку, восходъ котораго привѣтствовалъ Пиленко.

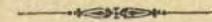
Гимнъ лѣсу.

Кто задумчивъ и прекрасенъ,
Кто, какъ день весенній ясенъ,
Кто хранить дары небесъ—
Это чудный славный лѣсъ!

Кто намъ пѣсни распѣваетъ,
Кто сны жизни навѣваетъ
Полонъ сказочныхъ чудесъ—
Это ты зеленый лѣсъ!

Кто подъ—часъ бываетъ грозенъ,
Недоступенъ и серьезенъ,
Мигъ стихіи вдругъ исчезъ,
И опять привѣтливъ лѣсъ!

Кто поэтовъ вдохновляетъ,
Взоръ художниковъ ласкаетъ
Обладатель всѣхъ чудесъ—
Это ты, волшебникъ лѣсъ!

На лекціи Парриша.

(въ Народномъ Домѣ г. Костромы).

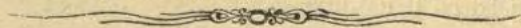
Взволнованный и блѣдный, блестящими глазами окинулъ онъ внимавшую толпу и вдохновенно рѣчь сказалъ о будущемъ великаго народа. И рѣчь заканчивалась гимномъ:

Хвала тебѣ, великій человѣкъ!

Ты не считая подвигомъ, пренебрегая славной жизнью, взвился надъ міромъ съ смѣлостью орла и полетѣлъ въ пространство съ видомъ легкой птицы.

Хвала тебѣ великій человѣкъ!

Твой геній изобрѣлъ одинъ языкъ для всѣхъ. На этомъ братскомъ языкѣ всѣ люди братьями зовутся, и братскія сердца сольются для мира счастья и труда. Ораторъ смолкъ. Толпа рукоплескала.

Бѣлыя ночи.

(Изъ записокъ сумасшедшаго).

Какъ страшно таинственны эти бѣлыя ночи, окутанныя неуловимою пеленою съ темно серебристымъ отбѣнкомъ, съ ихъ манящей далью, съ ихъ бездонной глубиною, ускользающихъ невидимыхъ тѣней и отравляющихъ душу губительнымъ ядомъ.

Дивны тогда эти ночи!..

Въ одну изъ этихъ чудо—ночей умирала Лиза, бѣлокурая красавица Лиза, принесшая на алтарь любви все свое еще нетронутое житейской пошлостью чувство.

Хороша была ночь, когда Лиза, нѣжно опираясь на мою руку, напѣвала одинъ изъ чарующихъ страстныхъ романсовъ, полныхъ признанія и сказочной нѣги.

«Милая» шептала я наклоняясь къ ней, повторяя все одни и тѣ же слова, полныя любви, полныя безумства. Уста наши слились въ пламенномъ поцѣлуѣ, и съ этой ночи Лиза стала мнѣ женою. Бѣлыя розы красиво переплетались съ ея вьющимися волосами...

Она была прекрасна...

Цѣлый годъ Лиза была для меня путеводной звѣздой, которая ярко освѣщала весь нашъ любовный путь. Иногда рука ея вздрагивала отъ предчувствія чего то большого, страшнаго неизвѣданнаго, но поцѣлуй ея успокаивалъ, и она опять была моей беззаботной Лизой.

Лиза готовилась быть матерью.

Длинными зимними ночами мы тихо совѣщались, какой будетъ у насъ сынъ (Лизѣ хотѣлось непременно сына) и какое дадимъ ему имя.

«Милый—говорила она, назовемъ «его» Маркомъ въ честь твоего имени, я такъ хочу чтобъ онъ былъ похожъ на тебя»....

«Но—говорилъ я взволнованно,—если это будетъ дѣвочка, то пусть будетъ маленькой Лизой».

Шли дни за днями... Опять наступали эти страшныя бѣлыя ночи, съ ихъ таинственной далью, манящей и неуловимой...

Сердце дрожить и замираетъ...

Проклятыя ночи... Хочется безумно крикнуть: вы отняли у меня Лизу, а сами остались, какъ-бы дразня меня моимъ былымъ счастьемъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ Лиза должна была разрѣшиться отъ бремени...

Не могу вспомнить этотъ ужасный душу раздирающій крикъ, когда Лиза, моя бѣлокурая Лиза, не звавшая доселѣ никакихъ страданій, съ вывороченными глазами, налившимися кровью, дико кричала безсвязныя фразы. Былъ ли я человѣкомъ въ ту минуту—трудно сказать: я сознавалъ лишь одно, что Лиза умираетъ по моей винѣ и помочь ей теперь ничѣмъ невозможно, и я въ изступленіи рвалъ на себѣ волосы. Женская рука властно взяла меня за руку и рѣшительно увела изъ комнаты.

Долго ли я кричалъ, какъ безумный дикарь, на глазахъ котораго терзали его добычу, не помню. Холодная струя воды привела меня въ чувство и первымъ вопросомъ было о ней. По смущенному растерянному виду врача, торопливымъ движеньямъ всегда спокойной акушерки, я повѣялъ, что не все благополучно, съ моей Лизой.

Съ неимовѣрной силой, всеразбивающей на пути, двинулся я въ ту комнату, гдѣ страдала Лиза. На постели, вся въ бѣломъ, едва остывшая, лежала мертвая Лиза и, казалось, молила о прощеніи за принесенныя ею страданія.

Что-то красное безформенное лежало на подушкѣ, издавая неопредѣленные звуки...

— А такъ это ты...—прохрипѣло что-то въ моей надорванной груди, и не прошло минуты, какъ красный комокъ превратился въ бездыханное существо, въ моихъ крѣпкихъ, какъ сталь рукахъ.

Мертвая Лиза съ прежней мольбой глядѣла на меня, прощая и понимая, что потеря ея для меня невыносима.

Да, Лиза простила.

Я это видѣлъ и чувствовалъ.

Мысль о смерти была мнѣ желанной, но «они» эти жестокіе люди въ бѣлыхъ халатахъ, они поняли мою мысль и все время мѣшали привести ее въ исполненіе.

Но погодите, вы, жестокіе люди въ бѣлыхъ халатахъ...

Цѣлыя ночи, эти проклятыя ночи обдумываю я, какъ перерѣжу себѣ горло, и моя душа полетитъ изъ проклятаго Никольскаго въ моей дорогой бѣлокурой Лизѣ...

Она простила меня и ждетъ...
Жди, моя дорогая...
Опять эти бѣлыя ночи...
Опять мы будемъ вмѣстѣ пѣть пѣсни...
Опять...
Жди, моя Лиза...

Ночи безсонныя...

Ночи безсонныя, ночи осеннія,
Какъ ненавижу я васъ!
Гнетомъ на душу ложитесь подь часъ
И убиваете грезы волшебныя!

Грезы далекия, чудныя дивныя...
Гдѣ вы? вернетесь ли вновь?
Жарко волнуете кровь,
Иль навѣваете сказки невинныя?

Кончилась сказка, а съ нею и грезы...
Душно и мрачно вокругъ...
„Милый!“ Послышалось вдругъ...
Сказка исчезла... Остались слезы...

Ночи безсонныя, ночи осеннія,
Какъ ненавижу я васъ!
Гнетомъ на душу ложитесь подь-часъ
И убиваете грезы волшебныя...

Фанѣ Лапотниковой.

Она мертва... Ни пороха, ни звука...
Заснула тихимъ мирнымъ сномъ,
Какъ будто вѣчная разлука
Мирила съ жизнью и крестомъ.

Она мертва.. ни пороха, ни звука...
Ни слезъ о томъ, что смерть она звала...
И смерть пришла, какъжданная подруга
Съ собою сонъ и миръ она внесла.

Она мертва. Упреками, уворомъ
Не надо омрачать едва остывшій трупъ...
Вѣдь смерть ея не вызвана позоромъ
И не была расплатой за позорный трудъ!

Такъ почему же сердцу страшно больно,
Какъ будто бы всю жизнь она была родной...
И хочется сказать какъ бы невольно:
„Прости за все!“ Самоубійцѣ молодой.

Подъ звонъ колоколовъ.

Николай Николаевичъ Дасевъ съ нетерпѣніемъ ждалъ Рождественскихъ праздниковъ. Онъ зналъ, что въ это время прійдетъ его невѣста, которую онъ любитъ, и которая скоро должна сдѣлаться его женой.

Дасевъ былъ надзирателемъ духовнаго училища.

Окончивъ К-ую духовную семинарію, первымъ намѣреніемъ его было продолжать образованіе, но никакихъ не было средствъ.

Однако онъ поѣхалъ въ село Армянки повидаться и посоветоваться съ отцомъ—псаломщикомъ.

Отец ничего отрадного не сказал, да сын и самъ понималъ, что отцу трудно поставить на ноги и другихъ дѣтей, учившихся въ семинаріи, особенно меньшого сынишку, Митю, живущаго съ отцомъ и учившагося въ земской школѣ.

Здѣсь-то, благодаря Митѣ и завязалось знакомство, а потомъ и близость Николая Николаевича съ Лидіей Сергѣевной Рагозиной, учительницей Мити. Митя рассказывалъ о своей учительницѣ всегда съ удовольствіемъ, которое невольно передавалось Николаю Николаевичу.

Заинтересованный школой, а главное похвалами Мити и отца молодой учительницѣ, Даевъ въ одно изъ воскресеній отправился въ школу, чтобы найти Рогозину свободной отъ занятій.

Лидія Сергѣевна, невысокая блондинка съ смѣющимся лицомъ и лукаво сощуренными глазами, произвела на Даева хорошее впечатлѣніе.

Она говорила объ учительствѣ, какъ о любимомъ дѣлѣ, захватывавшемъ ее еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

Есть у нея мечта—поѣхать на курсы, да все жаль разстаться съ полюбившими ее дѣтьми и крестьянами. За то и крестьяне не знаютъ, какъ отблагодарить диковинную учительницу. Рѣдкій день не предлагаютъ ей своихъ лошадей прокатиться, поѣхать въ городъ. Въ кухнѣ на столѣ, не зная отъ кого наставлены потихоньку отъ учительницы яйца, масло, сметана. А хитрая Настя, прислуга Рагозиной, ни за что не скажетъ, кто это сдѣлалъ.

Такъ живетъ Лидія Сергѣевна третій годъ въ селѣ Армянкахъ и не видитъ, какъ время летитъ въ занятіяхъ съ дѣтьми и взрослыми.

Николай Николаевичъ все это уже слышалъ о ней, когда пришелъ въ первый разъ познакомиться.

Обаятельность Лидіи заключалась въ добротѣ, которая сквозила въ каждомъ ея движеніи. Очарованный ушелъ онъ отъ нея и рѣшилъ пожить у отца еще нѣкоторое время.

Лидіѣ Сергѣевнѣ также понравился серьезный и нѣсколько мѣшковатый Николай Николаевичъ, и оба не замѣтили, какъ въ одну недѣлю почувствовали себя болѣе, чѣмъ друзьями.

Энергичная и живая она сумѣла подчинить себѣ безхарактернаго Даева.

Прощаясь, онъ не выдержалъ и призвался въ любви Лидіи, которая симпатичное отношеніе къ нему приняла за любовь.

Такъ разстались они женихомъ и невѣстой, хотя объ этомъ рѣшили роднымъ пока не говорить.

Даевъ уѣхалъ, а Рогозина опять углубилась въ свою работу, время отъ времени читая книги, аккуратно посылаемая ей Даевымъ.

Страстно и въ первый разъ влюбленный, Даевъ думалъ о ней постоянно, и его стремленія дальше учиться были уже на второмъ планѣ; но Лидія Сергѣевна настаивала на дальнѣйшемъ образованіи Николая Николаевича и слышать не хотѣла, когда онъ рисовалъ ей картину будущаго—совмѣстно живущихъ и бросившихъ мысль о продолженіи образованія.

Прошло два мѣсяца. За этотъ періодъ времени Даевъ чуть не каждый праздникъ ѣздилъ въ Армянки и возвращался оттуда веселый и радостный, посылая ей безконечныя письма.

Лидія также часто писала ему.

Но за послѣднее время Даевъ противъ обыкновенія не получалъ отъ нея писемъ и обезпокоенный, едва дождавшись перваго праздника, сломя голову поѣхалъ къ Рогозиной.

Взмученныя лошади привезли его прямо къ крыльцу школы.

Около недѣли тому назадъ она поѣхала съ своими учениками прокатиться по лѣсу.

Малыши, не зная хорошенько дороги, заѣхали въ сторону, да и выбрались оттуда уже поздно вечеромъ.

Учительницѣ это даромъ не прошло: малокровная и болѣзненная она сильно простудилась. Температура повысилась до сорока градусовъ, лекарствъ никакихъ не было.

Перемогаясь отъ сильнѣйшей головной боли, она попросила отца своего жениха послать въ К-ую управу увѣдомленіе о своей болѣзни.

На другой день пріѣхалъ изъ города фельдшеръ, посланный управой и разъѣздной запасный учитель для занятій въ Армянской школѣ до выздоровленія Рогозиной. Фельдшеръ назначилъ компрессы, далъ хины и уѣхалъ обратно.

Лидія, успокоенная пріѣздомъ учителя, стала чувствовать себя лучше.

Запасный учитель Андрей Андреевичъ Цехановъ, исключенный изъ 7 класса гимназіи за смѣлый отпоръ придравшемуся къ нему директору, поступилъ запаснымъ учителемъ, и постепенно готовился на аттестатъ зрѣлости.

Педагогіей онъ всегда интересовался и по выдержаніи экзамена рѣшилъ поступить на естественный факультетъ.

Приѣхавъ въ Армянскую школу, Андрей Цехановъ былъ пріятно изумленъ хорошей подготовкой учащихся земской школы и по поводу этого выразилъ свое удивленіе отцу Алексѣю Златорунскому, законоучителю Армянской школы.

Отецъ Алексѣй былъ единственнымъ недоброжелателемъ Лидіи Сергѣевны. Онъ не могъ простить ей ея популярности среди крестьянъ, а главное за то, что она лишала его «безгрѣшныхъ доходовъ», давая возможность крестьянамъ доставать метрики изъ консисторіи помимо священника и проч.

Крестьяне не любили черезчуръ строгаго и недоступнаго Отца Алексѣя и поэтому во всемъ совѣтовались не съ нимъ а съ учительницей.

Отецъ Алексѣй ѣздилъ куда слѣдуетъ, говорилъ, что учительница учить не по программѣ и даетъ развитіе ученикамъ и крестьянамъ не по разуму, но Рагозину, какъ учительницу цѣнили, находя работы ея учениковъ и отвѣты на экзаменахъ лучше, чѣмъ въ другихъ школахъ.

Однако Отецъ Алексѣй не унывалъ. Цеханову онъ рассказывалъ, что у учительницы вредныя идеи въ головѣ, а ученики проявляютъ вольводумство, граничащее съ ересью, съ которыми ему приходится бороться на урокахъ закона Божія. Ученики распущены до невозможности, благодаря не примѣняемости никакихъ наказаній.

— Они даже знаютъ, что такое радуга, отчего идетъ дождь и прочія премудрости, а все по новомодному, по ученому, забывая, что все это есть твореніе Божіе—говорилъ отецъ Алексѣй Цеханову.

И долго еще «чернилъ» онъ учительницу, не понимая, что, чѣмъ больше онъ «чернилъ» тѣмъ яснѣе и ярче выдѣлялось фигура Лидіи.

Ученики, на перебой рассказывали Цеханову въ перемѣны, что они знаютъ кромѣ своихъ повседневныхъ занятій.

Учительница любила литературу, и ученики подробно знали имена и дѣятельность выдающихся людей.

Лѣтомъ они съ ней пріѣзжали въ городъ, были въ музеѣ, въ электро—театрѣ, на заводахъ и фабрикахъ.

Цехановъ замѣтилъ, что съ такими учениками было пріятно заниматься.

Никто за уроками не шалилъ, но за то каждый могъ безъ спросу подойти къ учителю, спросить или выразить свое мнѣніе.

Такъ пріучила Лидія свою многочисленную аудиторію въ срокъ челоуѣкъ.

Цеханову хотѣлось познакомиться съ выздоравливающей учительницей но онъ не рѣшался ее беспокоить больную.

Одинъ разъ, только что окончивъ занятія, учитель хотѣлъ уже идти на временную свою квартиру къ разсылному, какъ вдругъ ученица Маша безцеремонно дернула его за рукавъ и сказала:

«Тебѣ велѣла Лидія Сергѣевна къ ней итти».

Смущенный и обрадованный онъ вошелъ къ Лидіи.

Она все еще лежала въ постели, окруженная цѣлой толпой женщинъ, пришедшихъ навѣстить больную.

— Здравствуйте Андрей Андреевичъ,—слабымъ, но яснымъ голосомъ сказала Лидія. Хотя мы и не знакомы, но все равно коллеги.

Она протянула ему свою худую руку.—Салитесь.

Цехановъ сѣлъ, а женщины съ любопытствомъ разсматривали новаго учителя, также хвалимаго ихъ дѣтьми.

— Вамъ можетъ быть, вредно говорить Лидія Сергѣевна?—Спросилъ онъ.

— Нѣтъ.—улыбнулась Лидія, дѣло идетъ на поправку и дней черезъ пять—шесть я, вѣроятно, смѣню васъ. Я почти здорова, только страшная слабость.

— Ну, что,—перемѣнила она разговоръ, какъ мои шалуны?

Цехановъ съ удовольствіемъ рассказалъ о своихъ впечатлѣніяхъ и прибавилъ, что ничего подобнаго не предполагалъ найти въ дѣтяхъ сельской школы. Онъ хотѣлъ поговорить объ отцѣ Алексѣѣ и его отношеніяхъ къ дѣтямъ и учительницѣ, но, увидя любопытно слушающихъ женщинъ, перемѣнилъ разговоръ.

На прощаніе Лидія подала ему руку и просила когда нибудь вечеромъ что либо почитать, если онъ располагаетъ временемъ, на что получила полное согласіе.

— Къ сожалѣнію,—прибавилъ Цехановъ, кромѣ сочиненій Голя со мною ничего нѣтъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ пришелъ къ ней и перечитывалъ „Мертвыя души“.

Образцово читая, онъ заставлялъ Лидію временами смѣяться чуть не до слезъ.

Между чтеніемъ, останавливаясь на разныхъ типахъ, Цехановъ вспомнилъ и отца Алексѣя: онъ такъ юмористически повторилъ всѣ его фразы о вольнодумствѣ учениковъ и учительницы, что гнѣва у Лидіи для почтеннаго отца Алексѣя, увы! не нашлось.

Въ 11 часовъ вечера Цехановъ ушелъ, а Лидія подумала, что это былъ одинъ изъ лучшихъ вечеровъ, когда либо ею проведенныхъ. Она вспомнила, что Даевъ не знаетъ объ ея болѣзни и рѣшила завтра ему написать.

Между тѣмъ Цехановъ продолжалъ ходить каждый вечеръ, т. е. книга была далеко не вся прочитана.

Время шло незамѣтно.

И когда пріѣхалъ встревоженный Даевъ, то Лидія къ стыду своему замѣтила, что она не рада ему.

Даевъ узнавъ о происшедшемъ, засыпалъ упреками невѣсту, по чему она не дала ему знать. Онъ бы привезъ лучшаго доктора, необходимыхъ лекарства и т. д.

Упрекая себя въ душѣ, она старалась быть съ нимъ возможно ласковѣй.

Даевъ былъ несказанно удивленъ, когда Цехановъ пришелъ, какъ хорошій знакомый и держался очень непринужденно. Лидія познакомила ихъ и сказала Даеву, что Андрей Андреевичъ Цехановъ ея коллега, присланный изъ управы «двигать науку» съ ея шалунами.

Разговоръ не клеился.

Даевъ молчалъ, а Цехановъ чувствовалъ, что онъ лишній и ушелъ.

Лидія еще не пробовала встать съ кровати, такъ какъ чувствовала себя очень слабой.

Даевъ подошелъ къ ней и покрылъ ея руки поцѣлуями. Лидія невыразимо страдала: она ясно чувствовала, что Даевъ ей чуждъ, но жалость къ нему вошла во все ея существо. Она зажмурилась отъ внутренней боли. Завтра все скажу, — думала она, онъ добръ и пойметъ.

Цехановъ какъ бы стоялъ передъ ней, и она чувствовала, какъ тянуло ее къ этому умному и сильному человѣку.

Николай Николаевичъ, видя Лидію неподвижно лежащею, думалъ, что она заснула, тихо вышелъ изъ комнаты, наказавъ Настѣ,

что онъ идетъ къ отцу, а завтра придетъ на весь день. Дорога была скверная, ухабистая, и самъ онъ чувствовалъ сильное утомленіе.

Съ уходомъ Даева, Лидія открыла глаза и думала о своей ошибкѣ.

Придетъ ли Цехановъ вечеромъ? думала она. Вѣроятно нѣтъ: онъ понялъ, что Даевъ играетъ здѣсь не послѣднюю роль.

Вечеромъ пришелъ Цехановъ.

Его также тянуло къ этой далеко незаурядной дѣвушкѣ, нравившейся ему все больше и больше. Только, кто „тотъ?“ думалось ему.

Съ его приходомъ Лидія почувствовала страшный притокъ энергій. Она даже встала съ постели и сдѣлала нѣсколько невѣрныхъ шаговъ по комнатѣ. Голова закружилась, и она бы упала, еслибъ сильныя руки Цеханова не поддержали ее.

Онъ взялъ ее какъ ребенка и уложилъ въ постель.

Цѣлый вечеръ они говорили, но оба чувствовали, что главнаго другъ другу не сказали.

Сердце ныло у Николая Николаевича, когда онъ возвращался изъ Армянокъ, взявъ слово съ Лидіи писать ему чаще о своемъ здоровьи. Ея заменутость и страданье онъ приписалъ болѣзни.

Скорѣй бы выздоравливала, а тамъ свитки вмѣстѣ... мечталъ онъ.

Лидія поправлялась и увѣдомляла Даева коротенькими записками, чему онъ несказанно радовался и напоминалъ ей объ ея обѣщаніи провести вмѣстѣ рождественскіе каникулы, которые не за горами.

Между тѣмъ Лидія поправлялась и чувствовала всю тяжесть не легкой задачи подготовить Даева къ разрыву. Она вспомнила, какъ онъ говорилъ, что не перенесъ бы смерти Лидіи, еслибъ она случилась и хотѣла подойти къ этому не вдругъ.

Съ грустью думала она о скоромъ отъѣздѣ Цеханова, такъ какъ заниматься въ школѣ она была уже въ состояніи. Цѣлые вечера, проведенные вмѣстѣ настолько сблизили ихъ, что чувства каждаго не были для нихъ загадкой.

Цехановъ не могъ не видѣть, какъ захватила ее встрѣча съ нимъ, да и самъ не могъ преоставить, что уѣдетъ для нея чужимъ. Да. Чужимъ онъ не уѣдетъ.

Въ тотъ же вечеръ, когда онъ сказалъ ей, что завтра утромъ уѣзжаетъ, нервы Лидіи не выдержали, и она разрыдалась. Это признаніе сказало ему больше всякихъ словъ. Онъ подошелъ къ плачущей Лидіи, обнялъ и молча цѣловалъ ее въ мокрые глаза.

Лидія призналась Цеханову въ своей ошибкѣ къ прежнему жениху и просила его совѣта. Цехановъ, не раздѣляя взгляда „подготовлений“ совѣтовалъ написать ей прямо и просто, еслибъ даже и случилось съ нимъ что либо.

И когда пѣтухи возвѣстили о наступленіи новаго дня, Цехановъ вышелъ, счастливый новой любовью.

Наступилъ рождественскій сочельникъ.

Николай Николаевичъ ждалъ Лидію, но она почему то не ѣхала. Вѣроятно пріѣдетъ вечеромъ, утѣшалъ онъ себя.

Его обширная комната имѣла весьма привлекательный видъ съ массой живыхъ цвѣтовъ, приготовленныхъ нарочно для Лидіи, страстно любившей цвѣты.

Медленно двигалось время, и Даевъ слышалъ, какъ часы методично били три... четыре... пять... и шесть... Онъ поминутно глядѣлъ въ окно, но все было тихо...

Только колокола, звавшіе людей на вечернюю молитву, торжественно возвѣщали о наступленіи великаго праздника.

Звонокъ.

Даевъ вскочилъ съ мѣста и радостно бросился къ двери.

Почтальонъ.

Онъ подалъ ему два письма. Дрожащими руками распечаталъ первое.

„Дорогой сынокъ,—писалъ ему отецъ,—поздравляю тебя“...

Николай Николаевичъ недочитавши письма, разорвалъ другое, отъ Роговиной.

Она умоляла простить ее за заблужденіе и ошибку, которая мучили ее все послѣднее время.

Прошелъ цѣлый часъ, а Даевъ все сидѣлъ и безмолвно смотрѣлъ на письмо.

Горечь неудачи, потеря дорогого существа тяжело легли ему на душу.

Жизнь безъ Лидіи казалась ему пустой, ненужной.

Хозяйка два раза выглянула изъ своей комнаты и видѣла, какъ неподвижно сидѣлъ Даевъ все въ томъ же положеніи.

Онъ не видалъ Лидію, но жизни безъ нея не представлялъ.

Что это? вздрогнулъ онъ. Звонъ...

Бархатный звонъ собора сливался со звономъ другихъ церквей, и Даевъ не могъ отдѣлать этотъ звонъ отъ своего, который вотъ уже цѣлый часъ стоялъ въ его ушахъ.

Да... бормоталъ онъ. Рождество... Вездѣ радость, а я одинъ..

Даевъ всталъ какъ бы въ туманѣ и медленно подошелъ къ письменному столу и окинулъ мутнымъ взоромъ комнату. Цвѣты, стоявшіе на столѣ, были единственными свидѣтелями его тяжелыхъ переживаній.

— Николай Николаичъ—кликнула его съ порога хозяйка;— вы нигуда не пойдете?

— Нигуда—машинально отвѣтилъ онъ.

— Ну такъ я пойду помолиться, а къ восьми часамъ приду.

Онъ остался совершенно одинъ.

Скорѣй—торопилъ онъ себя.

Вынулъ револьверъ изъ стола и приложилъ къ виску.

Раздался выстрѣлъ, и онъ съ прострѣленной головой упалъ на полъ.

* * *

Радостно звонили колокола въ Рождество, и радостно спѣшили обыватели К. встрѣтить его. Звонили они и въ Армянкахъ, когда взволнованный и задыхающійся псаломщикъ Даевъ, какъ безумный бѣжалъ къ Лидіи.

Цехановъ и Лидія тихо разговаривали, когда онъ вошелъ или вѣрнѣе вбѣжалъ въ комнату.

Лидія по лицу старика догадалась о случившемся несчастіи съ сыномъ.

Силы ей измѣнили, и она, какъ подкошенная, упала безъ чувствъ.

А колокола все звонили и какъ будто звали на праздниекъ любви и прощенія всѣхъ одинокихъ людей, утопающихъ въ морѣ страданій.

Виолеемская звѣзда.

Тихо шли мудрецы за «Звѣздой», а Звѣзда величаво свѣтила и вела ихъ туда—на Востокъ.

Долго шли мудрецы. Не морозы скрипѣли, не вѣтеръ стоналъ по полямъ и горамъ.... Лишь прохладой повѣяло влажной.

Смогли всѣ голоса... Пѣнья птицъ не слышать. Не журчатъ ручейки серебристой струей. Все поля и поля. А смѣнились поля—кедры мрачно стоятъ.

Какъ вошли мудрецы въ темный кедровый лѣсъ, онъ привѣтливый сталъ въ эту чудную свѣтлую ночь.

Какъ свѣтла была ночь! Какъ отраденъ былъ путь! Слово крылья привязаны къ стану волхвовъ, когда путь свой далекий свершали они. Только струйки рѣки сильнымъ блескомъ звѣзды отражались красивымъ отливомъ.

Но рѣка не смутила волхвовъ. Не замѣтили, какъ очутились на томъ берегу и хвалебную пѣсню запѣли Тому, чья Звѣзда на Востокъ ихъ вела.

Мудрецы все идутъ, и далее былъ ихъ путь, но они молчаливо идутъ за Звѣздой.

Вотъ прошли и деревню они. Подошли ужъ и къ городу. Какъ величественъ, пышенъ, богатъ этотъ городъ, гдѣ царь въ немъ живетъ грозный Иродъ.

Мудрецовъ—астрономовъ велѣлъ онъ принять и долго бесѣдовалъ съ ними о томъ, какъ явилась на небѣ Звѣзда, и что предвѣщала она.

Хитрый царь, скрывъ отъ нихъ замыселъ злой, попросилъ мудрецовъ рассказать на возвратномъ пути о чудесномъ Младенцѣ Востока.

Вновь идутъ мудрецы и хранятъ, какъ святыню дары, что должны принести они въ даръ ихъ Младенцу. А Звѣзда все горѣла прекраснымъ и яркимъ огнемъ, къ Виолеему ведя мудрецовъ.

Тихо идутъ мудрецы; славятъ они неземного Младенца, славятъ и Мать Его Дѣву Прекрасную. Съ благоговѣніемъ глядятъ на Звѣзду и видятъ: ярче свѣтитъ она и недвижно стоитъ.

Радостно стало въ душѣ мудрецовъ. Видятъ они Виолеемъ. Массы народа, словно волны морскія движутся въ городъ на перепись царскую.

Какъ же узнать, гдѣ Младенецъ родился?

Тихо Звѣзда повела за городъ, гдѣ пастухи охраняли стада.

Вдругъ у пещеры одной ярче Звѣзда заблестала и скрылась.

Долго стояли волхвы у пещеры, дышать не рѣшались отъ счастья великаго.

Небо разверзлось, и Ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ запѣли:

«Слава въ вышнихъ Богу и миръ на Земли!».

И указала путь имъ въ пещеру.

Тихо, неслышно волхвы приближались къ Святому Младенцу и Славили Бога.

Бытовая картинка.

Тихо ѣхалъ на своей лошади молодой объѣздчикъ Караваяевъ. Невеселыя думы роились въ его головѣ. Еще не такъ давно поступилъ онъ на службу, а рѣдкую ночь спалъ, какъ слѣдуетъ. Быть усерднымъ служакой, какъ онъ раньше предполагалъ, не приходится и опасно, а смотрѣть на лѣсныхъ порубки сквозь пальцы—начальство бравитъ. Каждый разъ, когда при объѣздахъ заставалъ онъ крестьянъ на мѣстѣ предступленія, то въ первое время поступалъ очень рѣшительно: отбиралъ топоры, клеймилъ лѣсъ, и составлялъ протоколъ. Но чѣмъ больше приглядывались мужики къ незлому объѣздчику, тѣмъ болѣе убѣждались, что можно и топоръ не отдавать, и лѣсъ домой везти. Взятое онъ не бралъ и съ этой стороны нельзя было къ нему подойти. Но мужики нашли другой путь. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее. Самый бѣднѣйшій изъ всей деревни Сарайской, мужиченка Вавила, обремененный многочисленной семьей малъ мала меньше, задумалъ поправить крышу. Денегъ въ домѣ ни копейки, да и купить лѣсу нельзя—лѣсъ Кабинетскій. Продавался лишь лѣсъ секвестрованный, но и его быстро скупали болѣе состоятельные мужики. Одинъ разъ Вавила похлебалъ щей, запретъ своего пѣгашку и поѣхалъ въ лѣсъ.

Онъ зналъ, что объѣздчикъ Караваяевъ утромъ уѣхалъ въ село къ помощнику лѣсничаго съ отчетомъ и до его возвращенія надѣялся обдѣлать дѣло.

На сей раз Вавилъ это удалось. Бывезъ два славныхъ дерева, и довольно бы пока, да пожадничалъ, поѣхалъ за третьимъ, на немъ и попался. Только успѣлъ свалить сосну, вдругъ откуда ни возьмись Караваяевъ верхомъ.

— Ты что-же это, Макухинъ, чѣмъ тутъ занимаешься?—

— Да вотъ... нерѣшительно заговорилъ онъ, почесывая затылокъ,—крыша стало быть текеть, а тесу нетути... взять негдѣ.. ну и запретъ пегашку.. стало быть..

— Ну и попался „стало быть“ передразнилъ его объѣздчикъ, видя смиреніе и несопротивленіе Вавилы.

— Сколько навожено? Говори, все равно доберусь, настаивалъ Караваяевъ.

— Да третье бревно вонъ хотѣлъ везти—правдиво говорилъ Вавила.

— Ну давай „стало быть“ топоръ! Рублевъ тридцать заплатишь, припугнулъ онъ Вавилу. У Вавилы даже потъ выступилъ на лбу.

— Тридцать? протянулъ онъ. Чтожъ послѣднюю скотину нешто продавать да платить. Самъ знаешь тесу взять негдѣ, купить нельзя.

— Какъ нельзя? А вотъ и покупай, что срубилъ.

— Э-эхъ ма! отмахнулся Вавила отъ Караваяева,—не жисть а каторга: живемъ почитай въ лѣсу а вѣтки не сломи. Видя безпомощность Вавилы, Караваяевъ пожалѣлъ его. Онъ зналъ, что Макухинъ человекъ непьющій, работникъ въ домѣ одинъ, и бѣдность его одолѣла.

— Вотъ что.. медленно проговорилъ Караваяевъ, какъ будто рѣшалъ весьма трудную задачу,—вези бревно къ себѣ, бери топоръ въ обратную: ты меня въ лѣсу не видалъ, а я тебя. Но больше ни, ни. Бревна не плохія рубишь и на крышу хватить.

Вавила никакъ не могъ придти въ себя и туго понималъ слова объѣздчика.

— Такъ стало быть штрафу не наложишь?—Тихимъ дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ:

— Сказано, не видалъ я тебя и все тутъ,—рѣзко сказалъ Караваяевъ и прибавилъ:

Ни гугу никому... Не то...

Объѣздчикъ уѣхалъ. Вавила, не вѣря своимъ глазамъ и ушамъ радостно везъ бревно къ себѣ.

Но гдѣ въ другомъ мѣстѣ, а въ деревнѣ ничего не бываетъ тайной. Вавила не утерпѣлъ и рассказалъ женѣ, а та пошла разнести по деревнѣ. Всѣ уже узнали, что объѣздчикъ жалостливъ и притомъ же самъ влопался съ этой поблажкой.

Какъ бы то ни было, Караваяевъ былъ поставленъ въ скверное положеніе. Спускать мужикамъ порубки нельзя, да и страху уже не было. Топоры ему теперь на порубкахъ не отдавали, а кто похитрѣй и нахальнѣе пугали „Вавиловою исторіей“.

А пьяница и разбойникъ на деревнѣ Степанъ Булычевъ, тотъ безцеремонно сталъ рубить лѣсъ и перепродавать цѣловальнику.

Булычева Караваяевъ уже нѣсколько разъ заставлялъ на мѣстѣ преступленія, но Булычевъ топора не отдавалъ, бревна увозилъ и всегда ругался, грозилъ избить и расправиться по своему, „по булычевски“, а объѣздчикъ зналъ, какъ Булычевъ можетъ расправляться.

— Эхъ, служба горько думалъ онъ.

Между тѣмъ Степанъ Булычевъ, продавши бревна цѣловальнику за вино, напивался, что называется „вдрызгъ“ и похвалялся всѣмъ, что объѣздчикъ Караваяевъ у него въ рукахъ. И если онъ захочетъ, то объѣздчика смѣститъ и поставитъ другого, а то просто и самого себя.

Слухъ о лѣсныхъ порубкахъ дошелъ до другихъ объѣздчиковъ, а потомъ и до барина, какъ звали они помощника управляющаго лѣсными имѣніями, Вяткина. Вяткинъ цѣнилъ Караваяева, какъ трезваго и честнаго объѣздчика, и пожалѣлъ своего любимца, узнавши подробно объ его „исторіи“ съ мужиками.

И когда Караваяевъ переступалъ порогъ канцеляріи Вяткина, то твердо былъ увѣренъ, что откажется отъ службы, или попроситъ перевода въ другой участокъ. Онъ рассказалъ Вяткину все безъ утайки.

Вяткинъ рѣшилъ дѣло по своему.

Караваяевъ нравился ему своей неподкупной честностью и увольнять его ему не хотѣлось.

Съ другой стороны, ему надо было вернуть престижъ власти объѣздчика.

Разспросивъ обо всемъ Караваяева, онъ отпустилъ его домой.

На другой день старшина деревни Сарайской получилъ приказъ отъ помощника управляющаго собрать сходъ.

Къ вечеру на сходъ пріѣхалъ онъ самъ.

Пришелъ и объѣздчикъ.

— Братцы, заговорилъ Вяткинъ, я далъ вамъ хорошаго объѣздчика, который дѣйствовалъ побожески и не тѣснилъ васъ, а одно изъ васъ даже облагодѣтельствовалъ на свой счетъ: (за бревна, увезенные изъ лѣса Вавилой Макухинымъ я вычту полностью изъ жалованья объѣздчика Караваева). Чѣмъ же деревня ему отплатила?

Нашлись даже такіе, которые, забывъ совѣсть человѣческую, лѣсъ воруютъ не для домашней потребности, а для пьянства—лѣсъ мѣняють на водку.

Не хорошо дѣлаете братцы! Деревня у васъ хорошая, и народъ долженъ быть хорошей.

Я не ссориться пріѣхалъ къ вамъ, а вразумить васъ добрымъ словомъ.

Вѣдь если будетъ такъ продолжаться, объѣздчикъ Караваевъ изъ за васъ лишится мѣста, и оно будетъ отдано другому, который не будетъ такъ снисходительно относиться къ вамъ.—

Долго еще бесѣдовалъ Вяткинъ съ мужиками, которые въ концѣ концовъ дали „крѣпкое слово“ барину не подводить жалостливаго Караваева.

Что касается Степана Булычева, то онъ тутъ же на сходѣ ругалъ цѣловальника, спаивавшаго его за доставленный лѣсъ.

Мужики съ легкимъ сердцемъ расходились по домамъ.

Ласково такъ съ ними еще никто не говорилъ, и это пробуждало въ нихъ чувство собственнаго достоинства.

Было уже поздно, когда Караваевъ возвращался къ себѣ на квартиру, проводивши въ Черемново Вяткина.

Помня доброе внушеніе, крестьяне остерегались зря рубить лѣтъ; о прежней беззащитности не было и помину. Степанъ Булычевъ скрылся куда то.

Время шло.. Караваеву стало жить легче.

Вавила Макухинъ старался не показываться на глаза объѣздчику, и онъ забылъ бы о немъ, еслибы новая крыша избы Вавиловой не выдѣлялась бѣлымъ пятномъ на старой избѣ.

Сначала онъ сердился на Вавилу, что тотъ его „подвелъ“, а потомъ пересталъ.

Одинъ разъ, когда Караваевъ сидѣлъ за вечернимъ чаемъ,

дверь отворилась и въ горницу бокомъ и несмѣло вошелъ Вавила. Онъ мялъ шапку и молча стоялъ передъ объѣздчикомъ.

Тотъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Вавилу.

— Прости Христа ради, поклонился вдругъ въ ноги Караваеву Вавила. Подвелъ тебя, а все черезъ бабу... Не утерпѣлъ и все стало быть ей обсказалъ...

Какъ и что.. Про лѣсъ.. Она своимъ... И пошло... А тебя подѣ отвѣтъ подвелъ... Раздоръ... говорилъ путаясь Вавила.

Караваевъ неловко протянулъ руку и сказалъ:—

Ну, ладно, проживемъ какънибудь, что было, то прошло и будемъ поросло... такъ то... Крыша не течетъ?

Гдѣ течи,—ухмыльнулся Вавила, довольный, что гора свалилась съ плечъ.

Женщина—мать.

Не тогда велика эта женщина—мать,
Когда родинѣ сына дарила,
Какъ стремилась она воспитаніе дать,
Какъ ласкала, какъ нѣжно любила.

— — —
Не тогда уваженія достойна была,
Когда глазъ по ночамъ не смыкая,
Надъ малюткой больнымъ просидѣла она
И по утру заснула больная.

— — —
Не тогда красота пробуждается въ ней,
Какъ отдавши ребенка учиться,
Эта мать по примѣру другихъ матерей
Учить сына предъ жизнью смириться.

— — —

Сынъ смирился, покоренъ учтивъ,
Курсъ прошелъ съ золотою медалью,
Безъ него прокатился приливъ и отливъ,
Не знакомъ онъ съ народной печалью.

Сынъ любимой карьеры достигъ,
И заботясь, лелѣетъ мамашу,
А мамаша, ей Богъ да простить,
Хочетъ сдѣлать изъ сына папашу.

Какъ духовно бѣдна ты, наивная мать!
Тѣмъ, что въ сынѣ всю правду убила,
Не учила бороться, любить и страдать,
Сокровенныхъ идей не будила...

Такъ идетъ не изъ рода, а въ родъ
Воспитанье младыхъ поколѣній
Тако мельчаетъ и гибнетъ молчаливикъ народъ
И дележъ до завѣтныхъ стремлений.

Но когда завоюетъ права эта женщина—мать,
Громогласно заявить: „довольно!
Рабства нѣтъ! и не будетъ опять!“
Вотъ тогда эта женщина—мать
Уваженья большого достойна.

Другу народа.

Заснувшая Земля устало опочила...
Пояло все, осыпались цвѣты...
И жизнь кабы невидимо влачила
И жалкое бытѣе, разбитыя мечты....

Замолкли голоса, разсвѣтъ еще далеко,
И мракъ густой покрылъ небесъ лазурь...
И мысль, рожденная страданьемъ, одиноко
Витала надъ землей, среди затихшихъ бурь...

Блуждая надъ землей, искала сильныхъ волей,
Чтобъ правду возродить, страданьямъ дать предѣлъ,
Утѣшить, облегчить забытыхъ лучшей долей...
И людямъ указать ихъ нравственный удѣлъ...

И не напрасно мысль блуждала въ поискахъ титана,
Явился онъ, какъ свѣта яркій лучъ...
И ожила, казалось, мѣстная „Нирвана“
Средь мрака, ужаса, сквозя тьму свинцовыхъ тучъ.

Явился онъ въ защиту угнетенныхъ,
Широко распахнувъ всѣ двери для борьбы (съ бичемъ ужаснымъ
и жестокимъ)
И говорилъ страдальцамъ къ смерти обреченнымъ
О будущихъ превратностяхъ судьбы.

Для слабыхъ и болѣзненныхъ дѣтей.
Колоніи открылъ въ мѣстахъ привольныхъ
И тѣмъ, что дѣлалъ онъ для счастья людей
Себѣ стяжалъ отъ всѣхъ любовь невольню.

И шли къ нему всѣ бѣдные больные,
Какъ къ другу, доктору, какъ брату и отцу,
И были всѣ ему такъ близки, какъ родные,
Они молились за него безсмертному Творцу.

— —

И вотъ разбуджено все спящее болото...
А мысль спѣшила дальше и быстрѣй—
Она увидѣла, что здѣсь кипитъ работа,
И полетѣла далѣе будить другихъ людей.

Въ деревнѣ.

Марья Ивановна была страстной пчеловодкой. Еще въ дѣтствѣ, потихоньку отъ родителей, бѣгала она на сосѣднюю дачу къ пчеляку Федосею или „дѣдушкѣ Фарисею“, какъ она называла его въ шутку и слушала безконечные рассказы, какъ „она“, т. е. „пчела“, любить порядокъ и дѣлаетъ медъ.

Сначала Маруся боялась и вскрикивала, когда пчела садилась ей на волосы или плечо, но старикъ тихо бралъ пчелу двумя пальцами за края спинки и осторожно смахивалъ въ воздухъ.

Дома объ ея увлеченіяхъ ничего не знали. Маруся не говорила, зная, что кромѣ правоученій ничего не услышитъ отъ домашнихъ.

Время шло, и скоро старикъ ознакомилъ дѣвочку со всѣмъ „пчелинымъ міромъ“.

Вмѣстѣ съ нимъ слушала она пѣніе матокъ и знала, какой улей и когда будетъ роиться.

Наступило осеннее учебное время. Маруся переѣхала съ дачи въ городъ, изрѣдка вспоминая добраго „дѣдушку Фарисея“.

Прошло восемь лѣтъ уже, и Маруся совсѣмъ забыла о своемъ прежнемъ увлеченіи пчеловодствомъ.

Теперь по окончаніи курса, она подала прошеніе о назначеніи ея въ народныя учительницы. Ее назначили. Въ селѣ она познакомилась съ о. Сергіемъ, который имѣлъ пасѣку, и прежній заснувшій интересъ къ пчеловодному міру вновь вспыхнулъ въ ней съ неудержимою силой.

Скоро Маруся или вѣрнѣе Марья Ивановна завела свою пасѣку и лѣтнее время все отдавала любимому занятію, знакомя съ нимъ и своихъ учениковъ. Мѣсто было удобное для пасѣки: медоносныхъ растений много, а ивы, красивыя причудливыя ивы, картинно обрамляли собою оба берега рѣки Вильямки.

Пчелы любили Марью Ивановну. Всегда спокойная, ровная, она не дѣлала рѣзкихъ движеній а спокойно „сажала“ рой или брала медъ изъ улья. Съ каждымъ годомъ пасѣка увеличивалась; вмѣсто старыхъ неудобныхъ колодъ появлялись новые ульи, усовершенствованныхъ системъ, и крестьяне видѣли, какая получается прибыль отъ этого интереснаго и не требующаго большихъ затратъ дѣла.

Раннимъ утромъ къ Марьѣ Ивановнѣ приходили теперь не одни уже ученики, а и взрослые крестьяне знакомиться съ этимъ художественнымъ дѣломъ. Съ большимъ удовольствіемъ объясняла она, какъ умѣла, все до мельчайшихъ подробностей, и помощниковъ развелось у ней много. Между прочимъ она говорила своимъ слушателямъ, что пчелы умѣютъ различать людей дурныхъ отъ хорошихъ и плохо ведутся у первыхъ. И много говорила она объ особенностяхъ этой Божьей пчелы, открывая слушателямъ новыя и новыя горизонты. Подъ влияніемъ учительницы мало по-малу образовался въ селѣ Вильямскомъ молодой пчеловодный кружокъ изъ крестьянъ, который и повелъ агитацію противъ красовавшагося по срединѣ села питейнаго заведенія. Хроническіе пьяницы протестовали, бранили „затѣи“ учительницы, за то женщины всѣ безъ исключенія были ей благодарны.

Какъ бы то ни было, а кружокъ все увеличивался и расширялся. Приходила не одна молодежь: пожилые люди также хотѣли внести свое слово о сочувствіи къ закрытію этого „идольскаго капища“, какъ называли они Вильямское питейное заведеніе.

Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Однажды, переѣзжая на лодкѣ многоводную Обь, Марія Ивановна жестоко простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Послѣ продолжительной болѣзни она поправилась, но уже изъ цвѣтущей и здоровой дѣвушки превратилась въ болѣзненную и хилую. Поминутный кашель вызывалъ у нея на глазахъ слезы, а время отъ времени появлявшаяся въ мокротѣ кровь, не говорила ничего отраднаго.

„За что?“ думалось ей молодой и незнавшей личного счастья.

Здоровье ея ухудшалось, и друзья съ грустью предвидѣли печальную развязку.

Наступилъ май мѣсяцъ, цвѣтущій, прекрасный.

Марьѣ Ивановнѣ сдѣлалось легче.

Приѣхавшій изъ города врачъ нашель улучшеніе и настаивалъ на немедленномъ отъѣздѣ въ горную мѣстность.

Всѣ деньги, какія оставались отъ жалованья, она тратила на улучшеніе пасѣки и теперь у нея ничего не было.

Оставалось продать пасѣку.

При мысли о продажѣ сердце ея сжималось, т. е. съ продажей пропадало то дѣло, которое объединяло ее съ крестьянами.

Вѣсть о продажѣ пасѣки была встрѣчена „кружкомъ“ съ большой грустью, но приходилось мириться.

Не прошло и недѣли, какъ о. Сергій, купившій за сравнительно дешевую цѣну всѣ ульи, сталъ владѣльцемъ пасѣки.

А еще черезъ недѣлю Марья Ивановна ѣхала въ Чемаль поправлять свое разстроенное здоровье.

Работница-пчела.

Лишь зимнее время минуетъ,

На смѣну наступитъ весна—

Красавица пчелка почуветъ,

Что время летѣть изъ гнѣзда.

Летѣть на просторъ, на работу,—

(Вѣдь вся ея жизнь въ ней одной,)

Чтобъ данную Богомъ природу

Использовать съ цѣлью благой.

О, еслибъ всѣ люди трудились,

Какъ трудится въ жизни пчела,

Тогда бы они научились

Желать своимъ ближнимъ добра.

Чьи слезы?

Вечерело. Пары и тройки усталых лошадей, разукрашенных цветными лентами и разного рода побрякушками, съ Русиной улицы тихо брели на Павловловскую и обратно.

Музыка на каткѣ доигрывала устарѣвшіе вальсы и марши, дамы, дѣвицы и франты, отдавая должную дань съ быстротой курьерскаго поѣзда промелькнувшей масленицѣ, все еще не сиѣшили къ домамъ, не смотря на раздавшійся тоскливо-циплющій нервы великопостный звонъ.

Стихло. Не видно гнѣдыхъ, вороныхъ, пѣгихъ, и бѣлыхъ разукрашенных троекъ, не слышно веселыхъ, оживленныхъ разногласныхъ звуковъ праздничной толпы, ходившей изо-дня въ день цѣлую недѣлю плотной стѣной по главнѣйшымъ улицамъ Костромы.

Догорѣли костры, и даже непокорныя искры погасли одна за другою.

Уныло раздался монотонный звонъ и на другой день, призывая богомольцевъ очиститься отъ всего грѣховнаго и молиться за спасеніе своей души.

Но люди еще не сиѣшили на призывъ колокола, и къ вечеру брели лишь вереницы слезливыхъ старушекъ, да группа степенныхъ мѣщанъ, молитва которыхъ была не изъ глубины сердца, а изъ расужденія, что такъ дѣлали отцы и дѣды и имъ велѣли.

Звонъ оборвался. Замолкъ....

Богомольцы въ обширномъ храмѣ Покровъ Божьей Матери размѣстились ближе къ совершаемому богослуженію.

Въ сторонѣ отъ богомольцевъ, у бѣлой колонны стояла на колѣняхъ молодая дѣвушка въ черномъ платкѣ и горячо молилась. Она не обращала вниманія на любопытные взоры молившихся и смиренно просила у Бога прощенія.

По окончаніи службы, дѣвушка съ чувствомъ приложилась къ образу Спасителя, Божьей Матери и Николая Чудотворца. Повидимому ей не хотѣлось разстаться съ тѣмъ молитвеннымъ настроеніемъ, какое она переживала въ данное время.

Выйдя на паперть, она одѣлила всѣхъ нищихъ и тихо направилась къ N-ской улицѣ.

Домъ, куда шла Маша, такъ звали эту дѣвушку, былъ однимъ изъ тѣхъ домовъ, о которыхъ принято замалчивать или говорить намеками.

Три года уже живетъ Маша въ этомъ домѣ у степенной хозяйки Серафимы Герасимовны и теперь только почувствовала, что душа ея не умерла, а желаетъ очиститься хотя на время отъ грѣховъ, которыхъ совсѣмъ замолить и нельзя...

Вспомнила Маша, какъ провела она масленицу съ своими подругами по несчастію... Вспомнила свой недавній сонъ—дѣтство веселое, деревню, родителей—и потянуло ее въ храмъ всепрощенія и очищенія.

Но что скажетъ хозяйка ея жизни и воли?

Серафима Герасимовна не была злой женщиной: дѣвушекъ не обижала и раздоровъ не любила.

Рѣчь ея была ласковая, пѣвучая, сама она сантиментальная и даже добродушная.

Просьба Маши отпустить ее «поговѣть» на этой недѣлѣ была принята ею снисходительно.

Подруги переглядывались, смѣялись, а нѣкоторыя завидовали чувству Маши и поддерживали ее въ ея намѣреніи.

Кроткую Машу всѣ любили за незлобивый и уступчивый характеръ.

Хозяйка неглупая и дальновидная женщина, понимала, что добротой возьмешь больше, старалась обращаться съ дѣвушками человѣчески, что не мѣшало ей впрочемъ соблюдать и свою выгоду: какъ напримѣръ, одѣвала жилищекъ очень хорошо, но за то счетъ былъ еще лучше, и каждая знала, чего стоятъ имъ всѣ ихъ наряды.

На просьбу Маши Серафима Герасимовна ласково сказала:

— Ступай, ступай, помолись, голубчикъ, это хорошее дѣло, согрѣшила, покалалась—опять чиста.

Да и ты, Анюта, шла бы, если хочешь,—обратилась она къ высокой худосочавой дѣвушкѣ.—Вы съ Машей очень дружны, а вмѣстѣ—оно и лучше. Вонъ Лиза, гони ее, не пойдетъ.—

— Гдѣ ужъ,—проговорила грустно Анюта. Маша она можетъ, ей

Богъ отпустить, а мнѣ и не замолють грѣховъ во всю жизнь. Я и мимо то храма не смѣю пройти.

Маша и Анюта были самыя дружныя изъ всѣхъ жившихъ у Серафимы Герасимовны. Анюта и смутила Машу идти на «этакое», когда Маша, обманутая и соблазненная однимъ барчукомъ, съ ребенкомъ на рукахъ не знала куда преклонить голову. Ребенокъ съ голода и холода умеръ, а Маша зацѣла съ горя.

Но въ тѣ дни, когда Маша съ ужасомъ оглядывалась назадъ и помнила себя, то маленькой счастливой дѣвочкой, любимицей родителей, то взрослой и красивой дѣвушкой еще недавно потерявшей своихъ родителей одного за другимъ... въ тѣ дни—жизнь была ей въ тягость, и мысль покончить съ собой наполняла ее душу.

Неожиданная встрѣча съ землячкой Анютой толкнула ее въ омутъ разврата, и Маша пошла на житье къ Серафимѣ Герасимовнѣ. Много слезъ было пролито, много темныхъ сторонъ жизни узнала Маша, но душа ее не погибла, и стремилась къ очищенію.

Серафима Герасимовна освободила ее отъ «выходовъ» къ гостямъ на первой недѣлѣ поста, и Маша зажила новой жизнью. Аккуратно ходила къ обѣднѣ, вечернѣ, постилась и старалась со всѣми быть доброй и ласковой.

На что ужъ кажется забѣлка Лиза—любительница «выражаться» богохульствовать и насмѣхаться, и та оставила Машу въ покоѣ и только иногда ворчала:

— Вотъ голубиная-то простота! На первой недѣлѣ говѣть, кажутся, а со второй опять больше того грѣшнить! Этакъ-то только Бога дразнить! А затѣмъ громче прибавила:

— Хорошо, что еще не ѣдетъ изъ Галича Буслаевъ, а какъ пріѣдетъ, ну и святость твоя вся нарушится...

— Небось не нарушится—испуганно говорила Маша, Серафима Герасимовна обѣщали меня не брать для гостей.

— Да вешто онъ бы посмотрѣлъ на что, не унималась упрямая Лиза—подавай тебя и никакихъ!

Маша испуганно посмотрѣла на Лизу и пошла къ Серафимѣ Герасимовнѣ.

Послѣдняя опять дала ей „крѣпкое слово“ не выпускать для гостей.

Успокоенная Маша пошла въ свою комнату и съ благоговѣніемъ затеплила лампаду. Всю ночь она будетъ молиться—завтра исповѣдь, и надо къ ней приготовиться.

Слышала Маша, какъ всѣ „барышни“ криливо одѣтыя, вышли въ залъ встрѣчать гостей. Но гостей къ неудовольствію хозяйки все еще не было.

Вдругъ раздался продолжительный звонокъ, напоминавшій о томъ, что звонокъ этотъ принадлежитъ человѣку, вмѣющему право спросить: „а чего моя нога хочетъ“?!...

Въ комнату ввалился купецъ первой гильдіи Иванъ Игнатьевичъ Буслаевъ, радость и гордость Серафимы Герасимовны въ обычное время, страхъ и смущеніе въ данный моментъ.

Она знала пристрастіе къ Машѣ Буслаева и думала, что дѣвушку ей не отстоять.

Зная набожность гостя, она не ждала его на первой недѣлѣ и потому такъ легко дала „крѣпкое слово“.

Буслаевъ былъ пьянъ и потребовалъ напитокъ Вас ис дасъ.

— Ну дѣвушки, обратился онъ ко всѣмъ присутствующимъ, танцевать!

Скоро подъ звуки разстроеннаго фортепьяно, дѣвушки одна съ другой закружились съ визгомъ и хохотомъ, при чемъ гость старался то подставить имъ ногу, то ущипнуть руку и т. д.

Сама Серафима Герасимовна слѣдила, чтобъ гостю не было скучно. Она боялась, что онъ вспомнитъ Машу.

Буслаевъ выпилъ бутылку коньяку и сталъ приходить въ куражь.

— Вотъ, кричалъ онъ, размахивая руками и обращаясь къ Серафимѣ Герасимовнѣ, вотъ триста рублей на первый случай. Не пускать, больше ни единой души изъ постороннихъ!

Такъ и сказать: загородилъ дескать входъ въ сей чертогъ самъ Иванъ Игнатьевъ Буслаевъ и пусть убираются къ лысому чорту!—

Серафима Герасимовна быстро спрятала кредитныя бумажки и приказала подать гостю еще бутылку коньяку.

Буслаевъ все пилъ, и задоръ проникалъ во все его существо.

Лиза и Фима самыя бойкія дѣвушки подошли къ нему, и поочереды закрывали ему глаза руками. Буслаевъ долженъ былъ угадывать подошедшихъ.

Это была любимая игра Буслаева, во время которой онъ по своему заигрывалъ съ подошедшими близко къ нему дѣвушками.

Схвативъ Фиму за руку и думая, что это Маша, которую онъ вдругъ вспомнилъ, оглянулся и увидѣлъ Фиму.

— А гдѣ Марья? Спросилъ онъ заплетающимся языкомъ.— Позвать ее! Ишь плутовка, прячется, чтобъ ее отличали, ласково ворчалъ онъ совсѣмъ пьянымъ голосомъ.

Серафима Герасимовна смутилась.

Съ одной стороны она боялась не угодить Буслаеву цѣня его набитый золотомъ кошелекъ, съ другой ее смущало „крѣпкое слово“ данное Машѣ.

— Не трожьте ее батюшка, Иванъ Игнатьевичъ, осторожно и ласково пробовала она просить кушца, сегодня она никакъ не можетъ выйти.—

Буслаевъ даже приподнялся.

То ишь, какъ это такое не мможетъ...

Черезъ поочему такое не мможетъ? Шатаясь приступалъ онъ къ Серафимѣ Герасимовнѣ. Да я мможетъ быть въ этомъ домѣ совсѣмъ не для бабьяго интересу прѣхалъ, а для этой самой Машки, чтобъ ее мухи съѣли. Ну косъ, чтобъ сейчасъ предстала. Не мможетъ... Больна штоль?—Прибавилъ онъ, видя, что хозяйка смущена.

Серафима Герасимовна рѣшила рассказать ему правду о Машѣ, думая тронуть этимъ самодура.

— Не трожьте ее голубчикъ Иванъ Игнатьевичъ, крѣпко прошу васъ объ этомъ, Маша давно не говѣла и хочетъ очиститься отъ грѣховъ. Она еще сами знаете, не совсѣмъ свыѣлась съ этой жизнью. Завтра отисповѣдуются, а послѣ завтра приобщится, а тамъ опять по-прежнему,—торопливо и сбивчиво уговаривала она его.

А—А? Полунасмѣшливо полураздражительно протянулъ онъ. Вотъ какъ! Очиститься отъ грѣховъ? Да развѣ одной недѣлей можно очиститься? А? Святая какая обозначилась... Да я можетъ быть всю свою жизнь не могу очиститься. А? Купецъ самой первой гильдіи Иванъ Буслаевъ—стукнулъ онъ себя въ грудь рукой—ѣдетъ веселиться, забыться такъ сказать отъ своей паскудной жизни, а тутъ извольте—грѣшницъ не стало—все праведницы.

Хозяйка видѣла что дѣло проиграно.

— Не гнѣвайтесь Иванъ Игнатьевичъ, льстиво и испуганно говорила она.

— Ужъ ежели вы такъ склонны къ Машѣ, то и разговору конецъ—она выйдетъ, вздохнула она.—Слава Богу, изъ повиновенія еще ни одна не выходила...

— А только, Иванъ Игнатьевичъ, попыталась она опять, вѣдь вотъ Лиза и Фима очень стоющія дѣвушки, не хуже Машки—еще веселѣй и разговорчивѣй.—

Буслаевъ стукнулъ кулакомъ по столу, такъ, что всѣ рюмки заплясали и крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Ну будетъ канитель тянуть! Машку сюда и нивакихъ!

Маша своимъ поведеніемъ еще больше раззадорила Буслаева и возбуждала его грубые инстинкты.

Хозяйка молча пошла въ комнату Машки.

Слышно было, какъ Маша рыдала, не желая разстаться съ нахлынувшимъ желаніемъ, хотя на время сдѣлаться человѣкомъ, а Серафима Герасимовна тихимъ и ласково-убаюкивающимъ голосомъ просила Машу выйти.

Буслаеву надоѣло „тянуть канитель“, и онъ уже хотѣлъ идти въ хорошо знакомую комнату Машки, какъ вдругъ на порогѣ она показалась сама въ сопровожденіи Серафимы Герасимовны.

Маша была блѣдна, какъ полотно и нервнымъ звенящимъ голосомъ, задыхаясь проговорила:

— Что купецъ за товаромъ пришелъ? Захотѣлось тебѣ окаянному надъ душой христіанской надругаться? Мало тебѣ того, что самъ живешь погано, такъ и душу мою хочешь опоганить, да до того опоганить, чтобы Божій свѣтъ не милъ мнѣ показался?

Ну что-жъ бери меня вмѣстѣ со всѣми грѣхами!

За одно вѣрно душу-то губить!

Хотѣлось хотя одну недѣлю быть не хуже другихъ, да видно не угодно Богу. Бери же!—изступленно кричала Маша, подбѣгая къ Буслаеву и садясь къ нему на колѣни.

Вина! Анюта! Лиза! Фима!

Всѣ идите смотрѣть, какъ тонетъ въ винѣ тоска моя!

Смотрите, какъ лютятъ горькія слезы мои—наши слезы, дѣвушки, наши общія слезы на потѣху пьянымъ охальникамъ, рыдала Маша.

И долго еще раздавался изступленный голос Маши въ ухахъ ея подругъ, съ испугомъ глядѣвшихъ на тихую и скромную доселѣ Машу, заливавшую въ горькомъ винѣ робкія надежды—сдѣлаться человекомъ хотя на одинъ мигъ.

Два дня кутилъ Иванъ Игнатьевичъ Буслаевъ, лишь на третій день уѣхалъ въ свое захолустье отмаливать тяжкіе грѣхи.

Пѣсня скорби.

То не пѣсня вдали прозвучала
И не плескъ величавой волны,
Не кукушка за лѣсомъ кричала,
Нѣтъ! Всѣ звуки страданій полны...

* * *

То не вѣтеръ стоналъ за горою,
И не буря кружила листы,
То не лѣшій смѣялся порою,
За могильные, причесъ, кресты.

* * *

Нѣтъ, не смѣхъ это былъ!
Человѣческій голосъ о правдѣ молилъ
И искалъ эту правду святую,
И на поиски силу и счастье убилъ,
Надломилъ свою жизнь молодую.

* * *

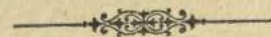
Гдѣ же правда? Лишь скорбь міровая
Разлилася широкой волной...
И сбылася молва роковая,
Что нахлынетъ потокомъ прибой.

* * *

И подъ бременемъ тягостной доли
Стономъ стонетъ бѣднякъ человекъ,
Не надѣясь уйти изъ неволи
Въ нашъ тяжелый безрадостный вѣкъ.

* * *

То не пѣсня вдали все звучала
И не плескъ величавой волны,
Не кукушка за лѣсомъ кричала,
Нѣтъ! Всѣ звуки страданій полны...

Учительская доля.

Деревня Сарайская Томской губернии длиною цѣпью раскинулась на протяженіи цѣлыхъ пяти верстъ, а народная школа, окруженная узкимъ частоколомъ, величаво красовалась по срединѣ деревни.

Молодая учительница Марія Антоновна Загорская, издалева пріѣхавшая въ школу, чувствовала на себѣ любопытные взоры старыхъ и малыхъ.

Въ деревнѣ, какъ манны небесной ждали сначала школы, а потомъ учительницы, о пріѣздѣ которой знали крестьяне.

И вотъ насталъ желанный день. Учительница пріѣхала и на другой же день записывала желающихъ учиться.

Школа была рассчитана на сорокъ человекъ, а Загорская записывала уже восьмидесятаго ученика, при чемъ среди записанныхъ были и взрослые, молодые люди, пришедшіе учиться.

Интереснѣй всего было для учительницы то, что въ этой переселенческой деревнѣ ученики были изъ разныхъ губерній. Тутъ были рязанскіе, тамбовскіе, курскіе, орловскіе, саратовскіе, пензенскіе и изъ другихъ губерній дѣти переселенцевъ.

У каждаго свой выговоръ и своеобразныя выраженія, присущія данной мѣстности.

Самимъ дѣтямъ правилось подчеркивать между собою разницу въ выраженіяхъ и говорѣ, что служило неистощимой темой для разговоровъ и даже раздоровъ у дѣтей. Рязанцы говорили вмѣсто „какъ будто“—кубыть, Курскіе замѣняли слово „около“—словомъ „абапола“ и вмѣсто „въ школу“ говори „у школу“ и т. п.

Это вносило въ школу нерѣдко и бурные споры—что лучше—и тогда дѣти за разъясненіемъ обращались къ учительницѣ.

Марья Антоновна старалась выяснитъ дѣтямъ, что въ каждомъ мѣстѣ свои особенности, которыхъ не лишена и N-ская губернія, откуда пріѣхала она сама и привела имъ нѣсколько примѣровъ. Однако споры не прекращались.

Начались занятія, и всѣ рьяно принялись за ученіе. Трудно было справиться Марьѣ Антоновнѣ съ такой многочисленной и различной по возрасту аудиторіей, да и партъ было недостаточно: сидѣли на тубареткахъ, принесенныхъ изъ дому и даже на полу.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ съ ревизіей инспекторъ народныхъ училищъ и нашелъ, что подобный подборъ учащихся не допустимъ. Пришлось изъ всѣхъ восьмидесяти оставить только сорокъ къ великому огорченію всѣхъ оставшихся за бортомъ.

Скоро вся деревня познакомилась съ учительницей и Марьѣ Антоновнѣ пришлось отдавать весь свой досугъ общенію съ крестьянами. Зажиточные и бѣдные всѣ на перебой приглашали ее къ себѣ и обижать отказомъ ей никого не хотѣлось.

Въ свою очередь, какъ домой всѣ шли въ школу:—кому письмо написать, кому полученное прочесть, кому прошеніе составить и такъ безъ конца. А тамъ еще и свои классныя работы. Поздно вечеромъ усталая Загорская ложилась въ постель и просматривала газеты и журналы, присылаемые ей изъ города.

Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала въ деревню и прочно укрѣпившаяся дружба у нея съ деревней, дѣлала жизнь осмысленной и интересной.

Неожиданно для всѣхъ прошелъ слухъ о переводѣ ея въ другую школу. Слухъ подтвердился и Загорской пришлось ѣхать въ городъ за разъясненіемъ и хлопотать объ отмѣнѣ этого предписанія. Но было напрасно: злые языки донесли, что учительница «портитъ» крестьянъ, и просьба ея не имѣла успѣха.

Въ день отъѣзда вся деревня и старый и малый провожали учительницу на новое жилище, а она съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія покидала дорогую ей деревню.

Окрестности Костромы.

Весенній разливъ. Два большихъ села—Мисково и Жарки стоятъ на рѣкѣ Мезѣ, сливаясь съ рѣкой Костромой. Кругомъ затоплены луга, и мѣстность на далекое и широкое пространство напоминаетъ собою безбрежное море.

Жители селъ Мискова и Жарковъ привыкли къ разливамъ, нерѣдко затопляющимъ ихъ избы и амбары и поэтому каждый изъ нихъ имѣетъ свою лодку.

Мнѣ было около пятнадцати лѣтъ, когда я первый разъ въ громадной лодкѣ, поднимающей около тридцати пудовъ груза, переправлялась изъ Костромы въ Мисково.

До сего времени въ этомъ селѣ я никогда не была, но слыхала о немъ постоянно. Тамъ жила близкая нашему семейству старая наша няня Анна Логиновна Ермохина.

Въ нашемъ семействѣ она прожила слишкомъ двадцать лѣтъ и на склонѣ своей жизни построила въ своемъ родномъ селѣ Мисковѣ домикъ, гдѣ и проживала въ то время.

Къ ней то я и собралась погостить съ недѣлю.

Дѣло было такъ.

Вмѣстѣ съ другими крестьянами въ Кострому приѣхалъ братъ моей няньки Никаноръ, мужикъ среднихъ лѣтъ.

Продавъ сдѣланные имъ стулья, онъ зашелъ къ намъ въ домъ съ гостинцемъ отъ няньки.

Его усадили вмѣстѣ съ нами пить чай.

Никаноръ усердно звалъ когонибудь изъ нашего семейства прокатиться до Мискова и погостить у Анны Логиновны.

Помню въ этотъ день дулъ сильный вѣтеръ, и никто изъ нашихъ не рѣшился ѣхать, кромѣ меня.

Я же, соблазнившись его разсказами о красивомъ разливѣ, никого не слушала и поѣхала.

Въ лодкѣ кромѣ большого груза сидѣло восемь человекъ мужиковъ въ томъ числѣ и Никаноръ, который успѣлъ напиться, что было неприятно.

Отплывая отъ берега, мужики сняли шапки и перекрестились. Сильный вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо; и чѣмъ дольше мы ѣхали, тѣмъ онъ бушевалъ все сильнѣе и сильнѣе, такъ что сѣрыя волны чуть не зотопляли лодку. Мужикамъ было трудно грести, но они прилагали всѣ усилія, чтобы направить лодку въ разрѣзъ волнамъ. Неожиданно вдали показался какой то громоздкій предметъ. Вотъ ближе и ближе... Набатовскій пароходъ.

Когда онъ поравнялся съ нами, то мы увидѣли, какъ бѣшенныя волны, рокоча и бушуетъ, съдыми гребнями достигали палубы.

Я смотрѣла на блѣдныя и угрюмыя лица своихъ спутниковъ и все еще не представляла себѣ большой опасности.

Не боялся также и пьяный Никаноръ.

Невѣрующей и не сознавая что говорить, онъ ругалъ страшную стихію и Бога, что заставляло однихъ его останавливать, а другихъ въ страхѣ креститься, изъ боязни не быть наказанными Богомъ за вольнодумство Никанора.

Вдругъ налетѣлъ страшный вихрь, мужики безсильно урвали весла, и лодка закружилась по всѣмъ направленіямъ.

Всѣ сняли шапки, молились и плакали.

Лодку швыряло, какъ щепку.

Тутъ только я поняла, какъ велика была опасность.

Сердце мое екнуло, и я съ трепетомъ ожидала, что будетъ дальше.

Позднѣе мужики говорили мнѣ, что ихъ удивляла моя неустрашимость.

Вихрь оборвался, и мужики взяли за весла.

Какъ бы то ни было, а мы все ѣхали и ѣхали, не зная направленія.

Что—то чернѣло вдали...

Лодку направили туда.

Виднѣлся кустарникъ, выглядывавшій изъ воды. Мель... Всѣ повеселѣли...

Одинъ Никаноръ спалъ безмятежнымъ сномъ праведника на днѣ лодки.

— А что, Пѣтушокъ, съ облегченнымъ вздохомъ обратился степенный бородачъ Афанасій къ молодому красавцу Пѣтушку,—случилось что, баба твоя бы... того...

Пѣтушокъ весело ухмыльнулся, лукаво стрекнулъ на меня глазками, тряхнулъ бородкой и неустрашимо произнесъ:

— Небось не пропадемъ! И не то видали.

Какъ оказалось, мы были уже недалеко отъ Мискова.

Я прозябла и у меня кружилась голова.

— Не ѣхать ли дальше?—робко спросила я Пѣтушка.—

Но кромѣ меня и его желающихъ ѣхать не нашлось, и мы просидѣли въ кустахъ еще около часу.

На наше счастье вѣтеръ сталъ мало по малу стихать, мы выбрались изъ кустовъ и поѣхали дальше, держась знакомаго имъ мѣста. Страха уже не было, хотя лодка все еще боролась съ волнами.

Было девять часовъ вечера, когда мы подъѣзжали къ с. Мискову.

На берегу видѣлась группа женщинъ, встрѣчавшая запоздавшихъ отцовъ и мужей. Мы причалили къ берегу, и вышли.

Вдругъ отъ толпы отдѣлилась закутанная фигура и вмѣсто удивленія моему героизму стала съ плачемъ бранить меня за рѣшимость ѣхать въ такую погоду.

Плакала и ругалась моя старая нянька.

Но больше досталось моей матери, позволившей ѣхать, въ такую „штурму“.

Мнѣ были пріятны ея слезы, и я еще больше любила эту милую старушку.

Мои спутники наперебой рассказывали ей о моихъ дорожныхъ доблестяхъ, и видимо въ душѣ она гордилась своей гостьей.

Мы направились въ ея избу.

— Няничка, вспомнила я вдругъ, кого же ты на берегу встрѣчала?—

— Накашку поддеца, вздохнула она—жена больна, а онъ подлецъ пьяный напился и какъ еще не погибъ въ такую «штурму»— Спасибо Пѣтушку, домой представилъ.

Я уже не стала рассказывать ей про его вольнодумство во время «штурмы».

Скоро самоваръ весело напѣвалъ свою пѣсню, а я согрѣвалась чаемъ и ѣла вкусную яичницу, рассказывая нянѣ про наше страшное путешествіе.

Послѣ чаю утомленная всѣми переживаніями, я сидѣла и дремала.

— Лягъ, Оленька, усни, навѣрное всѣ косточки разломало послѣ «штурмы» ласково говорила нянька, устраивая мнѣ постель на лавкѣ.

Лавка была узка, и я перебралась спать на узкій и длинный столъ къ великому неудовольствію няньки, считавшей грѣхонъ и дурной примѣтой спать на столѣ. Однако я крѣпко уснула.

Сонъ былъ какъ бы предложеніемъ дневной поѣздки лишь съ нѣкоторыми измѣненіями.

Вода и лодка тѣ же, но въ лодкѣ я была одна.

Неистовый вѣтеръ попрежнему бросалъ лодку, какъ щепку, и я была уже почти безъ сознанія.

Лодку наконецъ причалило къ берегу, и сильныя руки вдругъ очутившагося Пѣтушка выгнали меня изъ лодки и положили на берегъ. Возлѣ Пѣтушка стояла няня и вытирала мое лицо полотенцемъ.

— Оленька, проснись, будилъ меня голосъ няни. Я вскочила.

— Сонъ, удивилась я. Няня рассказывала, что я во снѣ стонала очень жалобно, и она рѣшила разбудить меня.

Было уже довольно поздно. Звонили къ обѣднѣ въ большой колоколь, и изъ окна я видѣла, какъ разряженный народъ то входилъ въ церковь, то выходилъ.

— Миръ вамъ—и мы къ вамъ.—услыхали мы голосъ Пѣтушка-Петра Васильева Куклина, прозваннаго на селѣ Пѣтушвомъ. Онъ изъ церкви зашелъ къ намъ.

На немъ была ярко-красная рубашка и серебристый поясъ. Няня пригласила его къ чаю, но онъ отказался, говоря, что его ждетъ дома „баба“ (жена).

Пѣтушокъ зашелъ пригласить меня прокатиться на лодкѣ, послѣ обѣда.

Я очень обрадовалась.

День былъ великолѣпный, и поѣзда въ ясную теплую погоду меня радовала.

По уходѣ Пѣтушка няня развернула святую книгу, надѣла на носъ очки, и встала передъ образами. Меня удивляло: зачѣмъ надѣла она очки, когда смотрѣла въ книгу по верхъ ихъ. Скоро комната огласилась протяжнымъ пѣніемъ молитвъ изъ обѣдни чтеніемъ великой ектиніи. Тутъ няня была и за священника, и за діакона, и за пѣвчихъ.

Картина уморительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и умильная. Оказывается это первая воскресная служба, ею пропущенная, и она хотѣла наверстать потерянное.

„Обѣдня“ бы затянулась на долго, еслибъ не пришла толпа дѣвицъ и дѣтей посмотреть городскую гостью.

Няня съ неудовольствіемъ отвѣтила на привѣтствіе вошедшихъ такъ какъ они прервали ее на самомъ торжественномъ мѣстѣ, когда она уже занесла блю възгласъ:

«Твоя отъ Твоихъ».

Мнѣ было неловко быть предметомъ любопытства, и я вступила въ разговоръ съ однимъ мальчуганомъ, лѣтъ десяти.

— Ты что-же, мальчикъ, учишься въ школѣ? спросила я.
— Учусь, тихо отвѣтилъ онъ.
— Первый годъ?—
— Въ среднихъ я, третій ужъ годъ пошелъ, какъ учусь; плохо займовался, когда былъ въ младшихъ и оставался на другой годъ.—
— Безъ экзамена перевели въ среднее?—
— Безъ экзамену. Экзамены у старшихъ только. Намедни прѣвзжалъ городской баринъ, испектуръ что-ли, экзаменты производить, да.. запнулся онъ.
— Ну? заинтересовалась я.
— А скажи, грить, Павловъ, сколько Богу годовъ? а Павловъ подумалъ и баць: сто.
Въ избѣ всѣ дружно засмѣялись, даже няня.
— Смѣйся, смѣйся, баловникъ, ласково ворчала она, а самъ поди и не знаешь, какой отвѣтъ держать испектуру.
— Нѣтъ знаю, улыбулся мальчикъ, какъ испектуръ уѣхалъ, то батюшка, шпынялъ, шпынялъ Павлову, што Бога годамъ де ровнять нельзя: Онъ завсегда былъ дескать, есть и будетъ.—
— Вотъ на тотъ годъ и мнѣ провѣрь, закончилъ онъ.
Разговоръ съ мальчуганомъ сблизилъ всѣхъ, и когда зашелъ Пѣтушокъ, я просила его взять съ нами и всѣхъ присутствовавшихъ.
Солнышко ярко свѣтило, когда мы всѣ усаживались въ лодку. Дѣвицы грызли сѣмячки и кокетливо посматривали на меня.
Пѣтушокъ сѣлъ за весла и зацѣлъ деревенскую пѣсню. Дѣвицы тихо подтягивали.
Вслѣдъ за нашей лодкой двинулась одна, другая, десятая... и „взморье“ огласилось сотнями человѣческихъ голосовъ. Съ нами поравнялась красивая лодка.
Въ ней сидѣлъ молодой парень и двѣ дѣвушки.
— Молодожены.. протянулъ опять мальчуганъ.
— Которая изъ нихъ жена?—спросила я мальчика.
— А вотъ, которую окачу, та и будетъ—сказалъ Пѣтушокъ и, шаркнувъ весломъ по водѣ, облилъ молодую. Мужъ ему отвѣтилъ тѣмъ же, дѣвицы обѣихъ лодокъ тоже обливали другъ друга водой и пошло разливанное море. Досталось и мнѣ.
Смѣхъ, визгъ, хохотъ.

Когда мы повернули обратно, а тѣ уѣхали дальше, то всѣ на перебой рассказывали мнѣ исторію ихъ брака.

Она изъ Мискова, а онъ Жарковскій, изъ „единовѣрцевъ“. Состоятельные родители не хотѣли выдавать ее за единовѣрца, да при томъ и небогатаго, но разудалый парень рѣшилъ дѣло по своему. Онъ „укралъ“ невѣсту и скрылся съ ней. Черезъ три дня они возвратились и „опозоренная“ дочь поневолѣ должна была выйти за него замужь.

Мы подѣхали къ берегу и Пѣтушокъ привязалъ лодку.

Когда я возвратилась въ бѣленькій домикъ, то опять мнѣ влетѣло отъ няньки: платье мое было залито водой, а другого не было. Пришлось доставать платье у ея племянницы. Черезъ нѣкоторое время я въ длинномъ платьѣ превратилась въ крестьянскую дѣвушку, а племянница няньки Луша, увѣряла меня, что этотъ нарядъ ко мнѣ больше „присталъ“.

Вечеромъ я въ новомъ костюмѣ пошла съ Лушей гулять и чтобы вполнѣ походить на нея грызла сѣмячки.

Мы искали глазами Пѣтушка, но его нигдѣ не было.

Молодежь затѣяла хороводъ, и я просила Лушу никому не говорить, кто я.

Хороводы и различныя игры велись съ поклонами и поцѣлуями. Меня часто выбирали, какъ чужую, неизвѣстную имъ, и я должна была цѣловаться, какъ всѣ, иначе Луша не ручалась за мою неизвѣстность. Почти отъ всѣхъ молодыхъ людей, какъ мнѣ показалось, пахло лукомъ или чеснокомъ. Далѣе шла новая игра въ „сплетни“, при чемъ дѣвицы должны были садиться къ молодцамъ на колѣни.

Мы съ Лушей незамѣтно скрылись и пошли къ дому Пѣтушка, посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ.

Окна его избы были довольно высоко, и сильная Луша подсадила меня къ окошку. Пѣтушокъ сидѣлъ въ рубашкѣ съ растегнутымъ воротомъ и безъ пояса. Волосы торчали въ разныя стороны, и ноги босикомъ. Противъ него сидѣлъ бородачъ Афанасій и чекался съ нимъ рюмкой, изъ которой плескалось вино. Они спорили о чемъ то, перемѣшивая разговоръ „съ російской словестностью“.

Я соскочила съ окна и потянула Лушу къ няниному домику.

Во всемъ этомъ было что то обидное. Дня черезъ три я объявила нянѣ о своемъ намѣреніи немедленно ѣхать въ Кострому. Она даже испугалась: не обидѣлъ ли меня кто нибудь и проч.

Я призывала Луну въ свидѣтельница, что меня никто не обидѣлъ, что со мной ничего не случилось, а просто соскучилась.

Но нянька и слушать не хотѣла: и что могутъ дома у насъ подумать неласково де старая нянька приняла гостью, или не понравилось Мисково, котрымъ она всегда гордилась и т. д.

Я стояла на своемъ и моей старушенціи пришлось нанимать для меня лодку.

Ласково улыбалось свѣжее утро, когда на другой день я и четверо мужиковъ отчалили отъ берега. Всю мѣстность слегка пригрѣвало золотое солнышко и освѣщало темную фигуру няньки, утиравшую рукавомъ горькія слезы, катившіяся изъ ея глазъ.

Л о т о .

— Пятьдесятъ, два, одиннадцать, семь, пятьдесятъ восемь—громкимъ голосомъ отчеканивалъ мальчуганъ лѣтъ шестнадцати. Всѣ столы въ залѣ К-го клуба большіе и маленькіе, круглые и продолговатые, старые и новые были заняты бяткомъ набитой публикой, самой разнообразной и самой разнохарактерной по положенію. Все сливалось, какъ въ морѣ, забывались сословные предрасудки—всѣ были объединены всеильнымъ азартомъ и жаждой „сорвать котелъ“, вмѣщавшій зачастую самую ничтожную сумму. Но если выигравшій бралъ много то онъ пользовался ореоломъ счастливица, отмѣченнаго судьбой.

Къ счастливицу, котораго въ другое время даже не замѣчаютъ, «презираютъ», какъ „торгаша“ или „чинушу“, теперь заискивающе поздравляютъ съ выигрышемъ, выражая полное доброжелательство. И не потому, чтобы поживиться чѣмъ, или „сорвать ужинъ“, взять взаимы и проч., а потому, что онъ, счастливецъ, судьбой отмѣченъ, выдѣленъ изъ толпы. Но далеко не всѣ присутствующіе играютъ въ лото. Вонъ посмотрите тамъ у окна, прижавшись къ косяку толстый „дэнди“, съ очками на носу, сидитъ съ „присными“ и созерцаетъ публику. Иногда тяжеловѣсной походкой подойдетъ онъ къ столу и подсядетъ къ знакомой дамѣ, увѣряя, что сейчасъ принесетъ ей своимъ присутствіемъ счастье. Но тяжеловѣсному мотыльку не сидится

на одномъ мѣстѣ, и онъ пробирается къ товарищамъ, что-бъ подѣлиться мнѣніемъ не всегда возвышеннаго свойства о костюмѣ „этой“, физиономіи „той“ и т. д. Скучающій взоръ его оживился: входитъ также тяжеловѣсная дама „пріятная во всѣхъ отношеніяхъ“, обидывающая пронизательнымъ взглядомъ присутствующихъ. Играть на свои деньги она не будетъ, а знакомыхъ такъ много... Надо ждать перерыва, т. к. играющіе заняты всецѣло надеждой и имъ не до черныхъ многообѣщающихъ глазъ.

— Шестьдесятъ, пятьдесятъ, тридцать два, девять,—тянулъ все тотъ же монотонный голосъ, вынимая изъ урны почти однѣ и тѣ же цифры, плохо перемѣшанныя. Котелъ на сей разъ былъ въ восемьдесятъ рублей и каждый желалъ взять.

Выиграла еврейка, при томъ котелъ. Дамы жажужжали, какъ пчелы, а мужчины недовольно задвигали стульями. Счастливая еврейка собирала деньги съ подносика, а вѣрящие въ ея „звѣзду“ уже стояли около и старались сказать одно пріятное.

Перерывъ. Карты собирались, другія раздавались, и перерывъ затягивался. Мужчины „созерцатели“ замѣтили наконецъ вошедшую „пріятную во всѣхъ отношеніяхъ“ даму и устремились поздороваться. Повидимому она была пріятельницей многихъ: вотъ сорвался съ своего мѣста заливающій за галстухъ чиновникъ К-ой палаты и на свой послѣдній алтынъ купилъ карту и преподнесъ дамѣ—выиграть на его счастье. Вотъ еще одинъ, другой, третій...

Дамы веселы и довольны: безъ ужина она не уйдетъ.

Члены клуба принимаютъ горячее участіе въ процвѣтаніи такихъ вечеровъ.

Съ удовольствіемъ, доходящимъ до увлеченія они собираютъ съ публики деньги за розданныя карты, и чувствуютъ себя господами положенія. Среди вежливыхъ и учтивыхъ есть противоположности. Такіе важно ходитъ гоголь—моголемъ и тономъ не терпящимъ возраженія, изрѣкаютъ: «не задерживайте деньги,», «нельзя же задерживать» и т. д. Но дальше этого нейдутъ.

Вошли супруги N. Онъ «нодь башмачкомъ». Жена выбрала мѣсто, но заранѣе освѣдомилась, за котрымъ столомъ больше выигрывали до ихъ прихода.

Играютъ. Разъ, другой, третій,—счастья нѣтъ. Она негодуетъ и изливаетъ неудачу на мужъ. Мужъ обошелъ столъ и пересѣлъ по ея

настоящую на другую сторону стола. Но нѣтъ—фортуна упряма. Озлобленная дама сдвинула деревянные крышки и стала закрывать цифры мѣдными деньгами. Увы!. Все было напрасно.

Съ одного стола на другой перешли двѣ еврейки. Обѣ играли на одну карту.

Визави сидѣлъ инструкторъ сельскаго хозяйства и инженеръ гидротехникъ.

Обѣ еврейки усердно стрѣляли глазами, но безъ результата—красавецъ инженеръ не любилъ еврейской красоты и не обращалъ на нихъ никакого вниманія, а инструкторъ заинтересовался случайно познакомившейся съ нимъ дамой. Бѣдняжки съ досады перешли за другой столъ.

Духота. Отъ куренія и дыханія болѣе сотни людей получился смертный воздухъ. Зубной врачъ пытается освѣжить комнату лѣсной водой, но это на одинъ лишь мигъ.

Уже часъ времени. Многіе уходятъ домой.

Въ уборной дамы откровенничаютъ.

— Не повѣрите, Александра Лукинична, какъ я съ мужемъ сегодня разсорилась—говорила жена адвоката съ подведенными глазами и разрисованными бровями, онъ говорить—будетъ тебѣ, Зоя деньги тратить и дѣтей безъ вниманія оставлять, а я ему дерзостей наговорила. и пошло и пошло. Теперь говорить не будемъ до слѣдующей субботы.

— А онъ не играетъ? Спросила ее Александра Лукинична.

— Въ томъ то и дѣло, что самъ играетъ. Онъ можетъ а я дома сиди съ дѣтьми. Ну вотъ и злимся отъ субботы до среды и отъ среды до субботы.

Александра Лукинична вздохнула. Она вспомнила, свою семейную ссору изъ за этой же игры. Мужъ ея всѣ вочера игралъ на бильярдѣ, а она должна сидѣть дома съ его сердитой матерью. Сначала онъ ничего не имѣлъ противъ ея игры въ лото, но когда мать прожужжала ему всѣ уши, что женѣ не слѣдуетъ „таскаться по клубамъ“, онъ сталъ на сторону матери и пошли неудовольствія. Среда и суббота обычно начинались приблизительно такъ:

— Саша, просила она мужа, я не пойду въ клубъ, посидимъ дома, почитаемъ вмѣстѣ, какъ прежде—я выписала сичиненія Григорія Петрова и все жду совмѣстнаго чтенія. Ну останься, милый.

Она все еще любила мужа.

Мать выростала, какъ листъ передъ травой и говорила:

— Что онъ пришитый что-ли къ тебѣ? Сиди дома—передразнила она ее—да чего сидѣть то? Что ему домъ? Какъ бы дѣти были, дѣтей не родишь.

Александра Лукинична знала, кто виновникъ этого, но вздыхала и не посвящала старуху въ излишнія откровенности.

Мужъ поддерживаемый матерью, уходилъ, а тоскующая Александра Лукинична шла въ клубъ играть въ лото.

Во второмъ часу игра кончалась, и публика цѣлой толпой устремлялась въ раздѣвальню.

Говоръ, шумъ, смѣхъ.

Стихло все.

Пробило три часа ночи. Ночные сторожа вяло стучали коло-тушкой. Спали всѣ. Лишь въ небольшомъ домикѣ на Павловской улицѣ еще не погасъ свѣтъ лампы: то уставшая Александра Лукинична ждетъ еще не вернушагося мужа домой и думаетъ свою горькую думу.

Содержаніе.

	Стран.
Лѣсникъ Пиленко	1
Гимнъ лѣсу	13
На лекціи Парриша	13
Бѣлыя ночи	14
Ночи безсонныя...	16
Фанѣ Лапотниковой	17
Подъ звонъ колоколовъ	17
Виолеемская звѣзда	26
Бытовая картинка	27
Женщина—мать	31
Другу народа	33
Въ деревнѣ	35
Работница-пчела	37
Чьи слезы?	38
Пѣсня скорби	45
Учительская доля	46
Окрестности Костромы	47
Лето	54

НОВАЯ КНИГА

АВТОРА-КОСТРОМИЧА

А. М. ВОЛКОВА.

Рассказы и бытовые картинки,
изъ военной и народной жизни.

Дпечатки.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
34	5	разбуждено	разбужено.
47	27	сливаеь	слившейся
51	10	мірь	мирь

славль—„Ярославск. Новости“, кн. земск. складъ, маг.
Ябѣлова, „Прогвѣтъ“ Зиминной, кн. маг. Халдиновой; въ
Костромѣ—земск. складъ Костромичъ, Бененевой, Лапина,
Бубновой, Разроднова, нюскъ, у букинистовъ. Нерехта:
апт. маг. Крылова, Юрьевецъ—маг. Крылова, Макарьевъ—
маг. Троицкаго. Кинешма—Андріановъ, Акатовъ И. П.

НОВАЯ КНИГА

АВТОРА-КОСТРОМИЧА

А. М. ВОЛКОВА.

**Разказы и бытовья картинки,
изъ военной и народной жизни.**

1912 г. Ц. 1 р. 20 к. 273 стран. больш. форм.
Хорошіе отзывы „Нашей Костромской Жизни“
(№ 252, 253) и „Поволжскаго Вѣстника“.

Продается: въ Москвѣ—въ кн. маг. „Трудъ“, С. Смир-
мунта, Тверской бульв., 26, и магаз. Карбасникова, Мо-
ховая, прот. университета; въ Петербургѣ—кн. маг. „Но-
ваго Времени“ (Суворина), Невскій пр., № 40; въ Яро-
славль—„Ярославск. Новости“, кн. земск. складъ, маг.
Ябѣлова, „Просвѣтъ“ Зиминной, кн. маг. Халдиновой; въ
Костромѣ—земск. складъ Костромичъ, Бекеневой, Лапина,
Бубновой, Разроднова, кіоскъ, у букинистовъ. Нерехта:
апт. маг. Крылова, Юрьевецъ—маг. Крылова, Макарьевъ—
маг. Троицкаго, Кинешма—Андріановъ, Якатовъ И. П.

Цѣна 50 коп.

